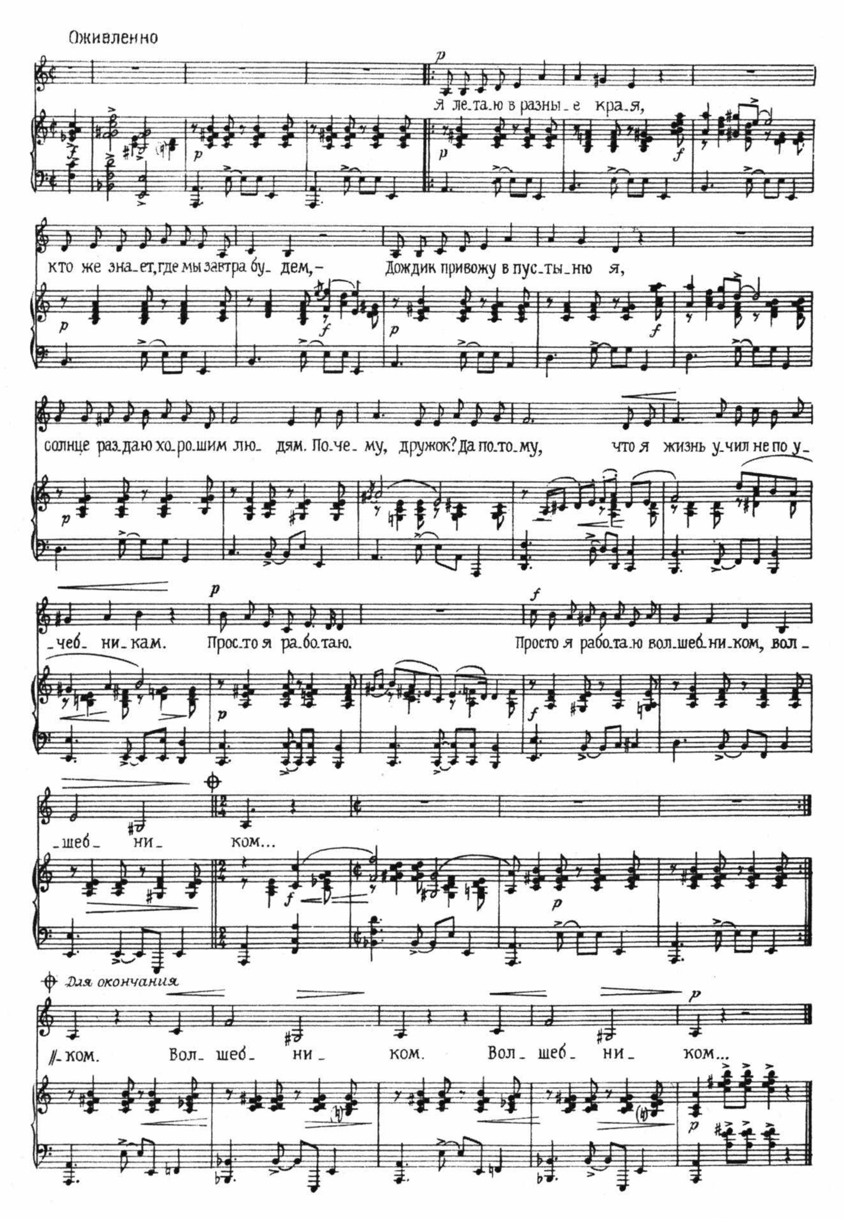

ОГОНЁК
№ 1 ЯНВАРЬ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
С НОВЫМ ГОДОМ!

Я РАБОТАЮ ВОЛШЕБНИКОМ

Слова Л. ОШАНИНА. **Музыка Э. КОЛМАНОВСКОГО.**

Я летаю в разные края —
Кто же знает, где мы завтра будем,—
Дождик привожу в пустыню я,
Солнце раздаю хорошим людям.

Припев:
Почему, дружок? Да потому,
Что я жизнь учил не по учебникам.
Просто я работаю,
Просто я работаю волшебником.

Ты идешь, идешь по январю.
Холодно. Следы, как многоточье...
Хочешь, я с тобой заговорю,
Руку дам — и станет путь короче.

Припев.

Мчатся годы, чувства торопя,
Наполняя душу легкой силой.
Хочешь, некрасивую, тебя
Сделаю, как Золушку, красивой.

Припев.

Не жалеть для друга ничего,
Помнить о других немножко тоже —
Вот мое простое волшебство.
Может быть, и ты мне в нем поможешь?

Припев:
Почему, дружок? Да потому,
Что я жизнь учил не по учебникам.
Просто я работаю,
Просто я работаю волшебником.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

43-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (1958)

1 ЯНВАРЯ 1965

С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ!

БЕЗ ПЯТИ ДВЕНАДЦАТЬ

Тик-так, тик-так... Часы отсчитывают секунды. Через пять минут они пробьют двенадцать раз. Они делают это дважды в день, привычно и бесстрастно. Им невдомек, что через пять минут они своим заученным звоном объявят о начале нового года — тысяча девятьсот шестьдесят пятого. И не задумаются ни на секунду. Их это не касается.

А мы задумаемся. Вспомним и помечтаем. Недолго. Всего пять минут... В этот номер «Огонька» вложен новый календарь. Через пять минут он вступит в свои права, а тот, что висит пока на стене, уйдет в историю.

Интересно, слово «календарь» пришло к нам из латинского языка и первоначально означало там вещь весьма неприятную — долговую книгу. В Древнем Риме должник платил проценты по календам, то есть по первым числам каждого месяца.

Многое с той поры изменилось. Даже слово «долг» приобрело новый смысл. Например, долг гражданский.

Как выглядит книга нашего долга за уходящий год? Мы перевыполнили наши планы. Мы построили сотни заводов и собрали хороший урожай, мы проложили еще одну борозду в космосе и закончили миллионы больших и маленьких, но очень важных дел. И, должно быть, столько же начали, столько же запроектировали, столько же задумали.

Мы можем с гордостью сказать: мы выполнили свой долг. С гордостью, но не со спокойствием. «Сегодняшняя заря налагает на солнце обязательство, которое оно должно выполнить завтра»,— сказал один мудрый писатель. Каждая новая победа требует добиться новейшей, еще более значительной.

Много перемен произошло в нашей жизни за 1964 год, он останется в памяти решениями октябрьского и ноябрьского Пленумов ЦК нашей партии, недавней сессией Верховного Совета СССР, определившей новые рубежи для нашего наступления в завтра, нового подъема уровня жизни народа.

Наше завтра стучится в дверь новогодним перезвоном кремлевских курантов и скупыми цифрами нового календаря — нашего завтрашнего долга перед народом, перед человечеством, перед историей.

За каждый день мы в ответе. Каждый день — шаг в будущее. Красная ноябрьская семерка словно командует многотысячным голосом поколений революционеров: «Шире шаг! К коммунизму!» Майская единичка вселяет бодрость: «Мы не одиноки в наших стремлениях. Трудящиеся всего мира с нами». Есть еще одна дата, знаменательный день 1965 года — 9 мая, двадцатилетие исторической победы советского народа в самой величайшей из мировых войн. Майская девятка требует мира, и мы отвечаем ей снижением военных расходов на полмиллиарда рублей.

Мы с радостью вступаем в новый год. Он будет богатым. У нас станет больше стали и хлеба, жилья и красивой одежды, и, наверное, влюбленных. Недаром же в эту новогоднюю ночь в одной Москве будет отпраздновано три тысячи свадеб.

Тик-так, тик-так... Равнодушно стучат часы. А мы волнуемся. Мы очень много должны сделать. Пожелаем себе доброго пути в будущее. И счастья. И побед, мирных, радостных.

ЭТО ВАМ, МОСКВИЧИ!

Необычно выглядело на днях фойе Белого зала Моссовета: сверкали многочисленные елки — большие и маленькие, натуральные лесные и полиэтиленовые. У входа гостей встречала очаровательная девушка и вручала каждому крохотную елочку. Повара в белоснежных куртках и высоких колпаках сервировали праздничные столы.

Что это? Встреча Нового года? Как будто бы рано. Так проходила пресс-конференция для советских и иностранных корреспондентов, посвященная предновогодней торговле в столице.

Заместитель председателя исполкома Моссовета Л. Дерибин рассказал журналистам, что сделано для того, чтобы москвичи счастливо и радостно отпраздновали наступление нового, 1965 года.

На снимках:
Смотр тортов.
Заместитель заведующего производством ресторана «Будапешт» В. И. Тимонин демонстрирует сервировку праздничного стола.

Фото Б. Кузьмина.

Игорь ВОЛГИН

СНЕГУРОЧКА

Куда, Снегурочка,
куда?
Уже двенадцать, что за
спешность?
Смотри, какая чистота,
Какая сказочная снежность!

Галдят мальчишки,
на бегу
Глотая хлопья, как пельмени.
И вся милиция в снегу,
Как школьники на перемене.
Мы утром шторы распахнем —
И день, как свиток без помарок,
И солнце
в тучах за окном,
Как под подушкою подарок.

И в этом царственном снегу,
На встречу тайную надеясь,
«Ау,— кричу тебе,— ау,
Куда, Снегурочка, ты делась?»

Пока с людьми тебе тепло
И далеко до страхов вешних,
Ты в дымном кратере метро
Оттай, как маленький подснежник.

Как балеринка, по лучу
Скользишь ты — снег летит на
плечи.
И я ищу тебя, свищу,
Ищу-свищу в Замоскворечье.

И в снежной шапке набекрень
Искря надменными рогами,
Трамвай, как северный олень,
Бредет московскими снегами.

«СИМФОНИЯ», «ШАХМАТЫ», «ОЛИМПИАДА»

ЗА ЖИЗНЬ, ЗА СЧАСТЬЕ, ЗА МЕЧТУ!

В минувшем году исполнилась моя мечта: я пилотировал первый в мире многоместный космический корабль. Это было естественное продолжение полетов моих друзей-космонавтов Юрия Гагарина, Германа Титова, Андрияна Николаева, Павла Поповича, Валерия Быковского и Валентины Николаевой-Терешковой.

Все мы на какой-то, пусть и небольшой, шаг приблизили человечество к путешествиям на другие планеты нашей солнечной системы, а в будущем и в другие галактики.

В наступающем году мне хочется пожелать всем читателям «Огонька» здоровья, счастья и успехов в работе.

Владимир КОМАРОВ

Побывать в космосе — для ученого большое счастье, и, конечно, это — самое яркое событие в моей жизни. Глядя из космической дали на родную планету, просто физически ощущаешь, сколь могучи человеческие знания, и в то же время лучше понимаешь гигантские трудности и опасности, которые таит для человека вселенная.

Но человеческий разум победит. И новогодний бокал я поднимаю за науку, за человека, который уже шагнул в преддверие вселенной, который вступит на другие планеты, заставит космос служить человеку на его радость и счастье.

Константин ФЕОКТИСТОВ

Профессия врача самая гуманная и, по-моему, самая увлекательная на земле. Такой же она остается и в космическом пространстве. И я безмерно счастлив, что мне первому из врачей выпала честь убедиться в этом.

В минувшем полете я никого не врачевал. Работа была исследовательская, но в будущих космических рейсах, когда человек полетит на другие планеты, врач будет оберегать здоровье космонавтов, а может быть, и пассажиров, так же, как и на Земле.

Произнося новогодний тост, я хочу сердечно поздравить моих коллег-врачей, хранящих самое драгоценное благо человека — его здоровье, пожелать им успехов и счастья. И, поздравляя читателей «Огонька» с Новым годом, прошу и их присоединиться к моему тосту.

Борис ЕГОРОВ

ЧИТАТЕЛЬ—ЧИТАТЕЛЮ

Дорогая редакция!

Пишут вам ученицы 6-го класса восьмилетней школы, подруги Люда и Валя. Мы живем в городе Каспийском, которого еще нет на карте, но обязательно будет. Когда мы вырастем и станем комсомольцами, тоже поедем строить города. Как это все интересно!

Дорогая редакция! Ответьте на вопрос: когда мы вырастем, останутся такие еще места, как глухая тайга, чтобы можно было построить новый город? Мы с подругой даже подгоняем годы: боимся, что для нас не останется строек. Очень просим ответить на этот вопрос.

До свидания.

Галкина ЛЮДМИЛА,
Манфиснева ВАЛЕНТИНА

Нашим читателям

Дорогие друзья!

Редакционная почта часто приносит письма, ответить на которые нам хотелось бы с вашей помощью. Публикуя письмо школьниц — подруг Люды и Вали, мы хотим, чтобы вы ответили им. Ваши письма мы будем печатать под рубрикой «Читатель — читателю».

На оживленных улицах — красочные, яркие афиши, на крышах домов — мигающие световые рекламы. Они приглашают ленинградцев во дворцы и клубы на новогодние балы, карнавальные праздники. Одна реклама заманчивей другой. И, конечно, девушки захотят явиться на праздничные вечера в оригинальных костюмах. Об этом позаботились работники крупнейшего в городе универмага «Пассаж». По их заказу модельеры и швеи-мастерицы создали карнавальные костюмы из недорогих тканей.

Одним нравится черное платье «Ночь», усеянное звездами, и сверкающая серебром корона, другим — светло-оранжевый костюм кубинки с широкополым сомбреро или «Симфония», «Шахматы», «Голубь мира», «Олимпиада»... Множество цветов, разные фасоны. Как бы не ошибиться в выборе!

— Пожалуйста, пройдите на третий этаж, в демонстрационный зал универмага.

Зал полон. По ковровой дорожке прогуливаются манекенщицы, одетые в карнавальные костюмы. Смотрите! Выбирайте! Тут вам подскажут, кому и какой карнавальный костюм больше всего идет.

К. ЧЕРЕВКОВ

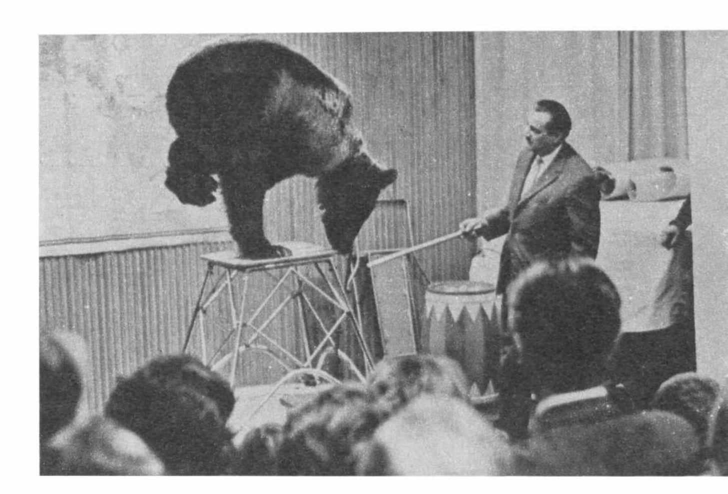
Фото В. Самойлова.

НЕОБЫЧНЫЕ ГОСТИ

Не воспользовавшись гардеробом, гости «Огонька» поднялись на лифте и, важно покачиваясь, прошли прямо в зал. Гостями творческого клуба «На огонек» на этот раз были Машка, Мишка и Седой — медведи народного артиста РСФСР Валентина Ивановича Филатова.

Видный советский дрессировщик рассказал коллективу огоньковцев о своей работе в цирке и о многочисленных зарубежных гастролях.

В заключение Машка, Мишка и Седой показали фрагменты из аттракциона «Медвежий цирк», который увидят школьники в дни своих каникул.

ПОКА КОЛОКОЛЬЧИК ЗВЕНИТ...

Леонид ВЕЛИЧАНСКИЙ

Центральные улицы Нью-Йорка залиты праздничными огнями. Рождественские елки переливаются всеми цветами радуги. Сверкающие витрины завалены товарами, которые по яркости не уступают елочным украшениям. Здесь выставлено все, что, по мнению торговцев, обладает одним бесценным качеством — «повышенной подарочностью». Это могут быть и нужные вещи. Например, бесконечное множество домашних электроприборов, которые стирают, моют, сушат, жарят, замораживают, режут, чистят и натирают. Но есть и целая бездна ярких и дорогих, но совершенно бесполезных предметов. У кого нет недостатка в деньгах, у того нет недостатка и в необходимых вещах. И вот создана целая промышленность, изобретающая и выпускающая подарки «для тех, у кого все есть». В подарок даме, у которой есть все, можно купить норковую шубку для ее пуделя. Правда, эта шубка стоит в несколько раз дороже вполне приличного пальто. Но покупателей, для которых предназначены такие вещи, не смущают подобные мелочи. Любимой девушке можно купить миниатюрный дамский пистолет любой расцветки — в тон обоев ее спальни или под цвет ее автомобиля. Приятелю можно подарить электрическую палочку, которая сама, без усилий с его стороны, будет помешивать виски с содой в стакане.

У входа в большой универмаг стоит румяный, улыбающийся, одетый во все красное старец. Холодный ветер развевает его белоснежную бороду. Это Санта-клаус — американский эквивалент нашего Деда-мороза. Он непрерывно позванивает в медный колокольчик, чтобы прохожие не забыли, что приближается рождество и Новый год.

А что, если взять интервью у рождественского деда?

— Как идут дела? Неплохо. Народу на улицах много. Стоять на месте, конечно, холодновато. В такую погоду хорошо бы пропустить стаканчик. Но, по условиям найма, на работе нельзя пить, курить, есть чеснок и разрешать детям дергать себя за бороду.

Нет, он не зазывала. Скорее он наемный нищий. Четвертаки и даймы, которые прохожие бросают в эту бутафорскую печную трубу, идут не ему, а благотворительной организации, на подарки сиротам и детям трущоб. Сам он получает один доллар тридцать центов на обед и кофе и небольшую мзду, если сбор успешный. Вот если б выпал снег! Белое рождество создает у людей торжественное настроение. Они становятся добрее и бросают больше монет. Деньги у людей есть. Нужно только хорошее настроение.

Для американских бизнесменов 1964 год был довольно удачным. По выпуску и по продаже многих товаров побиты старые рекорды. В экономике продолжается самый длительный за послевоенные годы бум. А в народе настроения хорошего все-таки нет. На лицах людей, толпящихся у витрин, тень заботы. Прислушайтесь к разговорам этих людей и вы ясно услышите ту же неуверенность и тревогу, которые звучат сейчас общим подтекстом в солидных экономических журналах и в бойких речах политиков и комментаторов.

Что же тревожит американца накануне Нового года? Его беспокоит многое, но, пожалуй, больше всего предчувствие близкого спада. Ему известно, что многие промышленные корпорации уже составили планы на будущий год в нескольких вариантах на случай незначительного, среднего или глубокого спада. А спад — это все-таки экономический кризис, хотя остряки уверяют, что между двумя синонимами большая разница: когда увольняют с работы соседа — это спад, а когда увольняют тебя самого — кризис.

И вот американец, живущий на заработную плату, прикидывает, что если даже во время затяжного бума более пяти миллионов людей не находят работы, то во время кризиса это число может удвоиться и сам он может оказаться в этом числе. Предпринимателю и торговцу от разговоров о близком кризисе тоже не становится веселее. Они опасаются также, как бы вслед за английским фунтом не стало лихорадить доллар.

Сообщения о том, что правительство разрабатывает срочные меры для укрепления доллара, не успокаивают. Они только подтверждают, что для таких опасений есть основания.

Тревожит американцев и расовая проблема. Закон о гражданских правах не ликвидировал сегрегацию, а только объявил ее незаконной. Предстоит жестокая борьба за проведение этого закона в жизнь. К тому же негритянское движение все больше выдвигает на первый план проблему не юридического, а фактического равенства негров по всей стране. Девять десятых негров живет в черных гетто не только потому, что их не пускают в другие кварталы, а еще потому, что им нечем платить за более сносное жилье. Негритянское движение поднимает уже не расовые, а социальные проблемы, затрагивающие и значительную часть белого населения. Шестьдесят процентов негров официально причислены к категории бедноты. И все же на каждого черного бедняка приходится четыре белых. Негры больше всех страдают от массовой безработицы, но это и общая проблема для всей трудовой Америки.

Американцев все больше тревожит внешняя политика, упорные разговоры о предстоящем расширении войны во Вьетнаме. Многих смущает то, что в Конго самолеты, построенные на их деньги, перевозят белых наемников — профессиональных убийц, которые за деньги уничтожают африканцев. А ведь в ноябре, голосуя за Джонсона против Голдуотера, они надеялись, что голосуют за мир, против военных авантюр.

Многие американцы задумываются над судьбой молодежи. Одних беспокоит рост детской преступности, пьянства и разврата. Других, наоборот, тревожат новые, здоровые веяния среди молодого поколения.

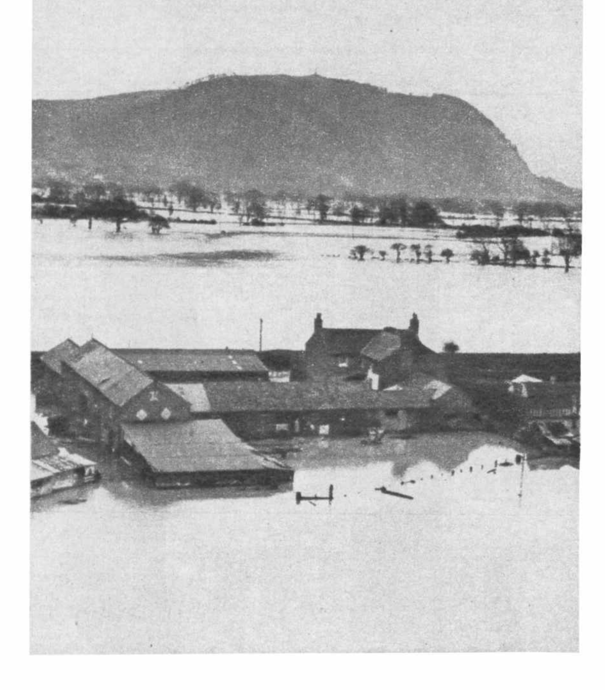
События минувшего года показали, что значительная часть американской молодежи отвергает идеалы своих отцов, не желает сделать сытое благополучие целью своей жизни. Еще недавно говорили, что молодежь меркантильна

В канун Нового года выдающийся советский физик П. Л. Капица получил награду от датчан. На снимке — президент Датского инженерного общества П. Мальстрем вручает П. Л. Капице диплом о присуждении ему золотой медали имени Нильса Бора.

Вручена награда и советской поэтессе Анне Ахматовой. Ее деятельность отмечена крупнейшей литературной премией Италии.

После того, как «неизвестные» обстреляли здание ООН из гранатомета, охрана ООН решила усилить бдительность. Охранники обследуют помещение, где работает Совет Безопасности. Они хотят знать, не установил ли кто-нибудь адскую машину там, где сидит представитель Франции. Трудно работать Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке!

Предновогодняя картина в долине реки Северн в Великобритании. Сильные дожди, прошедшие в середине декабря над северной и центральной частью страны, вызвали наводнения во многих районах.

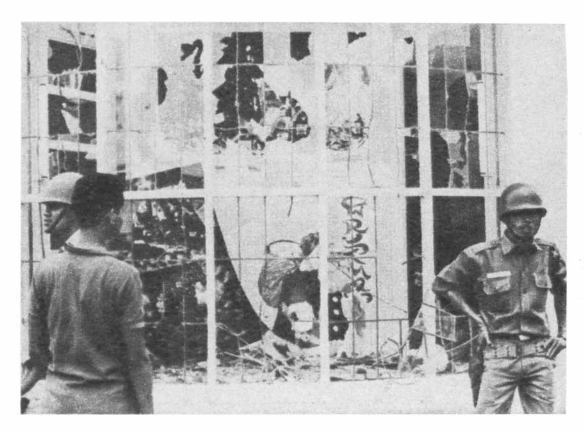
Западногерманские моряки распевают рождественский хорал. Столь невинному занятию они предаются на борту американского военного судна «Рикеттс». Этот корабль, как известно, служит прообразом «многосторонних ядерных сил» НАТО. Составленная из моряков различных стран НАТО, команда корабля, вооруженного ракетами, бороздит моря и рождает в сердцах германских милитаристов сладкую надежду на доступ к ядерному оружию. В связи с этим странам — участницам НАТО в самый раз вспомнить, что самая любимая песня немецкой военщины — «Дейчланд, Дейчланд юбер аллес».

В Африке Новый год наступает в блеске жарких солнечных лучей. В Каире существует такой обычай: в январе, после захода солнца, детишки с фонарями в руках ходят по улицам и распевают песни. За это взрослые награждают их сластями. И вот малыши готовятся...

НАТО приготовила западным немцам новогодний «подарок»: в дебрях этого агрессивного блока родился план создания «атомного минного пояса» вдоль восточных границ ФРГ. Автором этого зловещего плана называют бывшего гитлеровского генерала, подручного Геринга, ныне генерального инспектора бундесвера Гейнца Тротнера (на снимке — справа). Он изображен в любопытной ситуации — во время вручения ему высшего американского военного ордена. Для Пентагона он весьма ценный человек!

В преддверии рождественских праздников Американская служба информации выставила в Джакарте за стеклом витрины одного из своих помещений Санта-клауса. Индонезийцы не возражали против Санта-клауса, но им, как и другим народам земли, не нравится политика американского империализма в Конго. Во время студенческой демонстрации протеста витрина была разбита.

Фото ЮПИ, журнала «Ю.С. ньюс энд Уорлд рипорт», газеты «Дейли уоркер».

и мечтает только о деньгах и удачной карьере. И это была правда.

А сегодня газета биржевиков «Уолл-стрит джорнэл» жалуется на то, что талантливая молодежь отказывается идти в бизнес. И даже студенты, мечтающие о такой карьере, не говорят об этом вслух, чтобы не навлечь на себя презрения своих товарищей.

Еще недавно самым популярным писателем у молодежи был Сэлинджер, который забавлял, но ничему не учил и никуда не звал. Теперь в студенческих городках читают обличительную прозу Джеймса Болдуина. А самым популярным поэтом стал Боб Дилон. Его антивоенные песни и песни свободы знают все. Их поют и на митингах и на студенческих вечеринках.

Этим летом тысяча молодых людей отправилась в самый расистский штат Миссисипи проводить регистрацию избирателей-негров. Трое из них были убиты расистами, десятки побывали в тюрьмах, сотни подверглись избиениям, унижениям. И главное не в том, что среди миллионов молодых американцев нашлась эта тысяча смелых. Важно, что эти парни и девушки стали героями своих сверстников.

Студенты не довольствуются больше антикоммунистическими проповедями своих профессоров. Они все чаще требуют, чтобы им дали возможность «послушать и другую сторону», и приглашают для выступлений руководителей компартии. Спортивная площадка перестает быть главным центром общественной жизни американских колледжей. Знаменательно, что после студенческих «беспорядков» в Калифорнийском университете в Беркли администрация в виде уступки отвела специальную «площадку для политической деятельности» студентов.

Конечно, эти новые настроения захватили не всю молодежь. Немало молодых людей можно видеть и на сборищах голдуотеровцев. Но многие из них попали туда только потому, что были сбиты с толку демагогической критикой нынешнего американского общества.

Да, многое сегодня тревожит американца.

Минуют последние дни уходящего года. Мой Санта-клаус снимет нейлоновую бороду, сотрет с обветренных щек румянец и вернется в ночлежки для безработных в Бауэри. А пока его колокольчик весело звенит на сверкающей огнями Пятой авеню. И есть что-то глубоко символичное в его зябнущей, сгорбленной фигуре.

Нью-Йорк

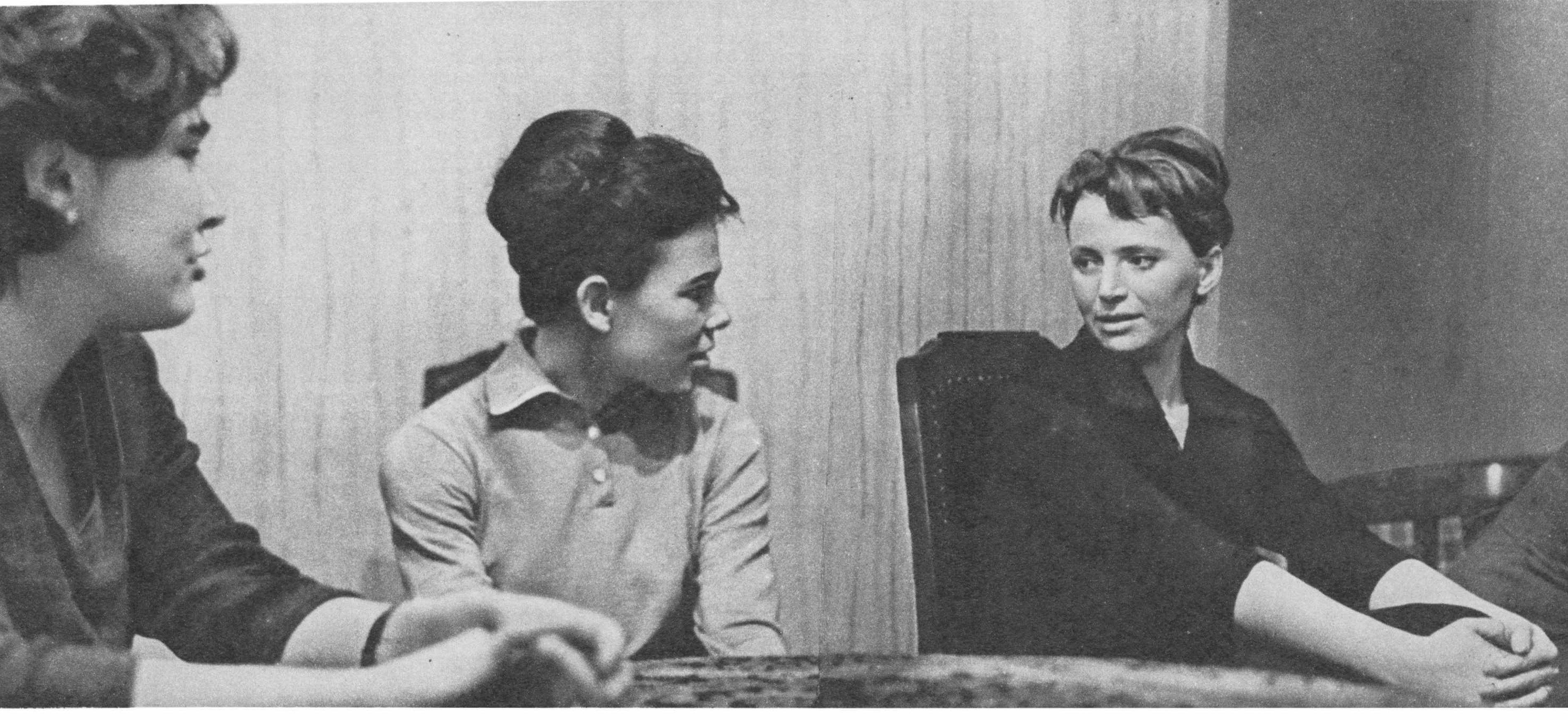
Мечты

Маргарита АЛИГЕР

Фото С. Осипова

Наташа Северина, Галя Левченко, Наташа Белоусова... В году 1952-м и 1964-м.

«Девочек привели в школу 1 сентября 1943 года. Еще шла война...» Так Маргарита Алигер начинала свой очерк, опубликованный в первом номере журнала «Огонек» за 1953 год. Он был посвящен «прекрасной поре прощания с детством... выбора личной и единственной дороги в будущее» и строился на материалах сочинений десятиклассниц на тему «О чем я мечтаю».

Время отсчитало одиннадцать лет. Как сложились судьбы школьниц? Ирина Николаевна Шарова, учительница русского языка и литературы, оказывается, очень хорошо их помнит и сохранила тот номер журнала.

— Не попытаться ли собрать девочек у меня? — просто предлагает она.

По телефону, записывая адрес учительницы, кто-то уточнял:

— Ирина Николаевна живет все там же? У Ново-Девичьего, в маленьком старом домике?

В недавний декабрьский вечер гости подымались на пятый этаж нового здания. Ирина Николаевна не успевала открывать дверь своей квартиры. «Неужели это ты, Наташа?» «Вот ты какая стала, Галя!»

Первой пришла Ира Орестова. Посмотрела на часы. Точно. И в школу она никогда не опаздывала. Сняла шляпку, рассыпались волосы.

— Где же твои черные косы?

— В университете оставила,— шутит Ира.

Да, она окончила МГУ, филологический. Отделение русского языка и литературы. Мечтает об аспирантуре. И тему уже облюбовала — «Стилистика Чехова».

— Тут, Ирина Николаевна, целиком ваше влияние,— замечает кто-то.— Знаете, сколько в нашем «А» филологов? Орестова, Северина... Семеро!

Наташа Северина окончила другое — славянское — отделение филфака. По прямой своей специальности, как сотрудница Института славяноведения Академии наук СССР, ездила в Польшу, на международные курсы славистов при Варшавском университете.

В МГУ на разных факультетах учились, оказывается, еще Караваева, Резниченко, Лиманова, Поздняк, Ершова... Валя Караваева и Марина Ершова — на географическом. Отличница, секретарь комсомольской организации школы, Валя осталась такой же и в студенческие годы. До сих пор не может забыть пятерку с тремя жирными плюсами, которые с удовольствием вывел в зачетке растроганный ее ответом профессор. Валя стала океанографом.

А Марина Ершова на Волге, под Рыбинском. «У меня нет никакого особого природного таланта,— когда-то скромно писала она о себе.— Но я уверена, что если человек полюбит свою работу, то сможет достичь совершенства». Гидролог Института биологии и водохранилищ М. Ершова стремится, видимо, к такому совершенству. Именно для того, чтобы быть ближе к природе, она уехала из столицы. У Марины уже семья, двое ребят.

— А у меня сын, вот он.— По кругу идут фотографии...

— Быстро летит время,— вздыхает кто-то.— Даша, дочка Марины Резниченко, уже пошла в школу. Кстати, слыхали, Марина ведь в Магадане! Недавно стала кандидатом исторических наук. Узнала, что там объявлен конкурс в пединститут, послала свои бумаги — и была такова. Она ведь у нас романтик. Всегда дороги ей трудные грезились...

— Девочки, а помните Оксану Липицкую? Она еще поступала в нефтяной, потом кинулась в строительный, пока не осела в историко-архивном. Там она поняла: это и есть ее дело. Окончила институт блестяще. Теперь в Душанбе, работает в Таджикской Академии наук.

— Постойте, мы ведь забыли Раю Боброву. Она еще дальше укатила — в Польшу. Училась в институте тонкой химической технологии вместе с одним поляком. А потом вышла за него замуж...

Ирина Николаевна прислушивается к оживленным голосам, к восклицаниям, начинающимся со слов «а помнишь», и радуется за этих полных энергии, остроумных женщин, старшей из которых нет еще и тридцати. Да, изменились девчонки. Школа, институт, рабо-

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Фото Риммы ЛИХАЧ.

МЬДЕСЯТ ВОСЕМЬ ДОРОГ

Стол к чаю накрывали Галя Строева и Инга Поздняк...

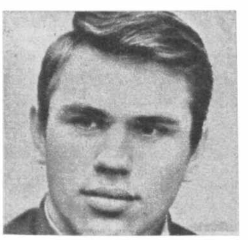

Ну как не познакомиться Ире Орестовой с представителями младшего поколения!

Проект дома отдыха, разработанный Наташей Белоусовой, заинтересовал всех: слависта Наташу Северину, инженера-механика Галю Левченко, Ирину Николаевну, биохимика Лену Лиманову и геоботаника Милу Жукову...

— В век атомной энергии моя работа будет нужной.

— Я в группе чертежников, и мне нравится этот профиль.

— Я хочу быть учителем математики на английском языке.

— Обязательно ли мне поступать в институт?

— Собираюсь строить электростанции в Сибири.

та... Это очень много и очень важно. Не так ли?

— Безусловно! — Инга Поздняк вскинула голову, и все вдруг увидели, что в эту минуту она очень похожа на семнадцатилетнюю Ингу с той же самой прической, что и на фотографии в «Огоньке».

«Я твердо решила: буду геологом»,— уверенно писала Инга в школьном сочинении. Что ж, она добилась своего!

— Геологический я просто боготворю,— продолжала Инга.— Но сейчас мне уже мало того, что он мне дал. Хочу знать больше. Мне нужна химия, рентгенография и где-то на стыке — физика,

— А у нас на биофаке был страшный провал в генетике,— продолжала мысль Инги Лена Лиманова.— Давали в основном мичуринскую генетику. Мало знакомили нас и с молекулярной биологией. А именно в ней будущее науки, возникшей в союзе химии и биологии. Меня это, как биохимика, особенно касается.

— Лена, а не ты ли собиралась отыскать чудодейственное средство против рака?

Да, но ей пришлось заняться другим — получением высокоочищенных гормонных препаратов. Еще в позапрошлом году защитила диссертацию. Сейчас с ленинградскими онкологами ищет средство для лечения базедовой болезни.

— Я очень люблю свою работу! Я счастлива! — признается Лена.— И если бы пришлось начинать сначала, повторила бы то же самое.

— А вы? — Ирина Николаевна обводит взглядом воспитанниц.

— Точно так же.— Это сказала архитектор Наташа Белоусова, которая и загадывала стать архитектором.

— По-моему, нет ничего на свете лучше наших русских полей и лугов! — воскликнула Мила Жукова, геоботаник (диссертация, которую она только что дописала, посвящена окским лугам, их настоящему и будущему).

— И нет ничего интереснее химии,— заявила Галя Строева от своего и от Гали Левченко имени. Левченко специалист по химическому машиностроению.

— Ну, а остальные? — спросила учительница.— Ведь вас собралось здесь восемь, а было восемьдесят восемь в трех десятых...

Снова воспоминания. Эта после десятилетки пошла на завод, работала контролером, а та сидела в загсе («Еще нас с мужем регистрировала»). Этих видели за прилавком в Петровском пассаже, а тех — в. поликлинике. Та художник по тканям, а эта строитель... Сколько фамилий, ровно столько же получалось и дорог в жизни. Потому что у каждого человека своя собственная дорога, и она не похожа ни на какую другую. И все же было что-то общее, сближавшее мечты выпускниц 1953 года.

Когда гостьи разошлись, Ирина Николаевна предложила:

— Почитайте сочинения моих нынешних учеников...

Татьяна Глотова, ученица школы № 45, в которой работает сейчас Шарова, решила стать специалистом по электронике и аргументирует свой вывод так: «В век атомной энергии и электронно-вычислительных машин моя работа будет нужной». А Муза Домарук справедливо заключает: «Наша школа, как и все, с производственным уклоном. Я в группе чертежников. И мне нравится этот профиль...» «Я люблю математику и английский язык, хочу совместить в будущей профессии оба увлечения — быть учителем математики на английском языке,— заключает Лариса Гаврилова.— Это ведь так современно!» «Обязательно ли мне поступать в институт? А почему бы не пойти работать? — задумывается Евгений Кургин.— В роли кого я смогу больше принести пользы: инженера или рабочего?» А Юля Зябрева, собирающаяся строить электростанции в Сибири, приводит слова любимой песни, в которой подымается тост «за яростных, за непокорных, за презревших грошовый уют». И заявляет, что эти слова и впредь будут составлять смысл ее жизни.

Разные поколения — и мечты у нынешних семнадцатилетних иные, чем у выпускников 1953 года, в них чувствуется влияние времени, шире горизонты их будущего. Но характер тот же — неуемный, крылатый.

И ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ ТВОЯ РОДИНА...

ГЛАВНАЯ УЛИЦА

Виктор ПОЛТОРАЦКИЙ

Почти все губернские города дореволюционной России были схожи между собой и чем-то напоминали друг друга. В каждом из них была своя главная улица, называвшаяся либо Большой Московской, либо Большой Дворянской. Центр отмечался торговыми рядами или гостиным двором, пятиглавым собором с высокой колокольней, казенными фасадами присутственных мест. Почти в каждом городе имелось свое Заречье или какое-нибудь Заовражье, а на одной из окраин непременно ютилась слободка, именуемая Щемиловкой.

Все это было и во Владимире-на-Клязьме, о главной улице которого я хочу рассказать.

Знаю, что есть города богаче и красивей Владимира, есть улицы и проспекты, вероятно, более достойные описания, и все же хочу рассказать именно о владимирской главной улице, потому что я вижу ее не только в географической протяженности, но и во времени, угадываю в чертах ее знаки Истории.

Осевая линия этой улицы проходит вдоль Московской дороги, что исстари называлась Владимиркой,— той самой каторжной дороги, по которой гнали ссыльных из России в Сибирь.

В серых арестантских бушлатах, звеня кандалами, тяжело брели они в далекую даль. Скупые цифры официальной статистики говорят, что, например, в середине прошлого века одних только ссыльных «политиков» ежегодно проходило по Владимирке более десяти тысяч человек. В память об этих самоотверженных и пылких борцах за освобождение народа старую Владимирскую дорогу, что брала начало в Москве от Рогожской заставы, теперь назвали Шоссе энтузиастов.

Главная улица Владимира начиналась со Студеной горы, расположенной на сто девяностой версте от столицы. Неподалеку башнями возвышался тюремный замок. С горы полого спускалась Дворянская улица. Продолжение ее называлось Большой, потом она переходила в Нижегородскую, а у Нижегородской заставы была пересыльная каторжная тюрьма и за нею — кладбище. Следовательно, город начинался тюрьмой и кончался тюрьмой и кладбищем...

Но на той же главной улице памятником истории стояли древние Золотые ворота. Через них (подумать только!) не раз проезжал со своей дружиной Александр Ярославич Невский, князь, деяниями коего и поныне гордится Русь.

В более позднее время на Большой улице жил высланный из Москвы за «смелое и опасное вольнодумство» тогда еще совсем молодой Александр Иванович Герцен. С тех пор, как он жил здесь, прошло сто двадцать пять лет. Если соотносить это с временами Невского, то надо было бы сказать: **всего** сто двадцать пять, но в соотношении с нашими днями правильнее будет сказать: **уже**. Такой удивительно далекой представляется нам теперь молодость Герцена.

Герцен приехал во Владимир зимой, в первый день нового, 1838 года, и остановился в единственной гостинице вблизи торговых рядов. Впоследствии в своей знаменитой книге «Былое и думы» он отметит, что эта гостиница очень верно изображена В. А. Соллогубом в повести «Тарантас».

Неуютная, грязная, густо заселенная клопами и тараканами, владимирская гостиница все же стремилась подражать петербургским. Потолки в «нумерах» ее были расписаны амурами и цветами, тараканы жили за зеркалами в рамах из красного дерева. На кухне готовили «изысканные» блюда. В меню, написанном на лоскутке серой бумаги, захватанной сальными пальцами половых, значились: «суплипотаж», «курица с рысью», что следовало понимать как «курица с рисом», и даже «желе сапельсинов». Проживали в гостинице преимущественно заезжие помещики и офицеры. Купцы останавливались на постоялых дворах.

Герцен вскоре же съехал отсюда и поселился в частном доме по соседству с Золотыми воротами.

Ссыльному надлежало служить в губернской канцелярии, чтобы быть на глазах у начальства. Губернатор Курута поручил ему редактирование неофициального прибавления к «Губернским ведомостям».

Ежедневный путь Герцена от дома до присутствия, где составлялись «Ведомости», проходил по главной улице. Она была как бы вывеской города, население которого состояло из чиновников, попов, торговцев и мелких ремесленников. За прилавками Гостиного двора суетились сидельцы. Пахло шорным товаром, селедкой и мылом.

Справа и слева, прямо над улицей и из-за домов, поднимались засиженные галками разноцветные луковицы церковных куполов. По гребню холма над Клязьмой развернулось здание губернской палаты, кишевшее чиновным людом, как тараканами, а насупротив палаты, украшенный по фасаду колоннами, дом Дворянского собрания. Тут же неподалеку был губернаторский дом, жандармское управление, за ним поднимались крепостные стены монастыря.

Во Владимире Герцен сблизился кое с кем из городской молодежи, попытался устраивать чтения, хлопотал об устройстве библиотеки. Но на него стали поглядывать косо. За глаза называли вольнодумцем и возмутителем.

Жизнь городка была тусклой. По вечерам даже главная улица становилась похожей на пустынное кладбище. Редко-редко где подслеповато мигали керосиновые фонари. Шаги случайного прохожего вызывали подозрение у городового. Раздавался окрик:

— Кто идет?

В ответ слышалось:

— Обыватель.

1

И снова, как бы затаившись, затихала главная улица...

Время владимирской ссылки в жизни Гер-

НА СТЕНДАХ «ОГОНЬКА»

Выставкой работ Виталия Горяева редакция «Огонька» открывает серию творческих обсуждений произведений советских графиков и живописцев. На стендах «Огонька» будут представлены известные мастера и талантливая молодежь.

Двадцать одно произведение — острые, своеобразные по форме жанровые композиции, сценки, увиденные на улицах, стройках, в учреждениях, домах — новые работы Виталия Горяева, выставленные в помещении редакции журнала «Огонек».

Взгляд художника на героев — наблюдательный, добрый, с улыбкой, и зрители, придя на выставку и разглядывая рисунки, делали для себя удивительные открытия и радовались им.

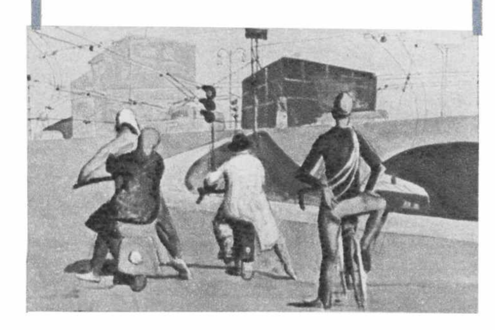
На обсуждении экспонированных работ Горяева, проведенном редакцией, выступали Д. Шмаринов, И. Семенов, В. Богаткин, А. Житомирский, А. Лурье, С. Бродский.

Такие небольшие выставки, говорилось на обсуждении, очень нужны. Все работы можно хорошо и внимательно рассмотреть, от каждой остается своеобразное впечатление, каждую можно проанализировать. Искусство, обращенное к народу, к сердцу человека, искусство лирическое на таких выставках имеет возможность наиболее полно влиять на зрителя.

Выступавшие говорили и о том, что творчество Горяева сейчас на большом подъеме, что он достиг высокого мастерства в рисунках, что его композиции изобретательны. В частности, отмечали иллюстрации к «Петербургским повестям» Гоголя, выполненные художником для Гослитиздата. Несколько рисунков из этой серии будут воспроизведены в одном из ближайших номеров «Огонька».

Все присутствовавшие на обсуждении имели единое мнение: такие выставки — хорошее начало, они полезны для художников и интересны для зрителей.

Н. АНДРЕЕВА

ВЫСТАВКА «МОСКВА — СТОЛИЦА НАШЕЙ РОДИНЫ»

В. Нечитайло. НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ.

В. Кабанов. РАБОЧАЯ МОЛОДЕЖЬ.

В. Некрасов. В ПОДМОСКОВНОМ СОВХОЗЕ.

цена совпало со светлой порой женитьбы и пылкой влюбленности. В этом состоянии мир кажется человеку прекрасным. И все-таки с каким восторгом вырвался он наконец из Владимира!

Два года он здесь. Но если бы это было не два, а двадцать или сорок лет, все равно уж очень заметных перемен он не увидел бы. Их почти не было. В конце XIX века, как и в начале его, город оставался чиновным, поповским и мелкокупеческим. В 1898 году во Владимире числилось около 30 промышленных заведений, а рабочих во всех этих заведениях было 270 человек. Самым крупным считался «завод», производивший церковные свечи...

Так и жил да был губернский городок —
Незаметен, неприметен и убог.
Монастырские подворья, да тюрьма,
Да по пятницам базаров кутерьма.
От старинных Золотых его ворот —
К кривобоким переулкам поворот.
Там ни радости, ни света, ни тепла,
Только треплют языком колокола.
Он от скуки и от страха нелюдим.
Он чужой мне.
Он далек
и нелюбим...

2

Реку жизни невозможно остановить никакими плотинами. Она пробьется сначала хотя бы малыми струйками, потом размоет завалы и в конце концов хлынет неудержимо могучей волной.

Во второй половине прошлого века Россия услышала набатный «Колокол» Герцена. Пламенный революционер-демократ из своего чужбинного далека обращался к родному народу:

«О, если б слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской!.. Если б до тебя дошел мой голос, как я научил бы тебя презирать твоих духовных пастырей, поставленных над тобой петербургским синодом и немецким царем. Ты их не знаешь, ты обманут их облачением, ты смущен их евангельским словом,— пора их вывести на свежую воду! Ты ненавидишь помещика, ненавидишь подьячего, боишься их — и совершенно прав; но веришь еще в царя и архиерея... Не верь им...»

Ленин скажет потом, что революционную агитацию Герцена «подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это — движение самих масс».

В XX век Россия входила, беременная революцией. Создавалась Российская социал-демократическая рабочая партия. В уездах, заводских поселках, на фабриках вспыхивали волнения и стачки. Возникали подпольные кружки и союзы.

Однажды во Владимир привезли арестованного в Шуе большевистского агитатора Арсения. С вокзала под усиленным конвоем провели его в каторжную тюрьму и посадили в одиночную камеру. Потом судили и приговорили к смертной казни через повешение. В камере смертников, ожидая казни, Арсений штудировал учебник английского языка и историю походов Чингисхана, Суворова, Наполеона.

— Зачем это, ведь вас не сегодня-завтра повесят? — спросил у него озадаченный надзиратель.

— Революционеры бессмертны, как бессмертно дело освобождения трудящихся! — ответил узник.

Подлинное имя и фамилия этого человека— Михаил Васильевич Фрунзе. Смертная казнь ему будет заменена каторгой. После революции он еще станет полководцем вооруженных сил молодой Советской республики. В память о нем часть главной улицы, называвшейся Нижегородской, теперь называется улицей Фрунзе...

Коренные перемены в жизни губернского города и на его главной улице зримо начались только после Великой Октябрьской революции. Позакрывались монастыри. Как стая ворон, снялись и разлетелись куда-то монахи. Вместо гимназий была создана единая трудовая школа. Кухаркины дети получили право учиться. В здании духовной семинарии открылись курсы командиров Красной Армии, а в здании епархиального училища — рабфак. Дворянское собрание стало рабочим клубом. Восторженный молодой Александр Безыменский читал здесь ребятам из паровозного депо свою «Комсомолию».

За Нижегородской заставой начала строиться первая фабрика. Потом рядом с ней — заводы «Автоприбор» и «Химпластмасс». К середине тридцатых годов во Владимире было уже семь тысяч рабочих.

Город обывателей становился городом созидателей.

Конечно, эти перемены совершались не по мановению волшебной палочки. Они требовали много сил и организаторской воли. Мне памятно это время. В двадцатых годах я, семнадцатилетний слесарек из Гусь-Хрустального, приехал во Владимир учиться на рабфаке, как приезжали молодые рабочие из разных уездов губернии: кто на рабфак, кто в совпартшколу, кто в техникум...

Я помню коммунистические субботники на первых владимирских стройках, и «Синюю блузу» в бывшем Дворянском собрании, и комсомольские карнавалы на главной улице. Но помню я и старого художника Дмитрия Рохлина. Он был добродушным человеком и, кажется, неплохим живописцем. Но однажды, когда я спросил его, почему он пишет только березки и тихие закаты над Клязьмой, а не людей, художник, кисло усмехнувшись, ответил:

— Видите ли, голубчик, от людей пóтом пахнет.

Этот художник давно уже умер. Он не увидел, как пахнущие трудовым потом люди преобразили облик старого города.

3

Каждый раз, когда приезжаю во Владимир, мне любо пройти (именно пройти, а не проехать) по главной улице, чтобы снова увидеть и ощутить радость преображения.

Мой путь начинается с Ямской слободы, где автомобильная дорога Москва — Горький вливается в город. Прежде в этой слободке стояли кособокие избы владимирских ямщиков. Это был пригород. Теперь справа и слева от Ямской улицы поднимаются большие каменные дома. Отсюда же начинаются маршруты городского троллейбуса.

Новая гостиница «Заря» сияет застекленными вестибюлями. От нее к Студеной горе идет зеленая улица Пушкина, а дальше к Золотым воротам — Московская. Когда-то и она была сплошь застроена деревянными особнячками с тихими двориками и называлась Дворянской. Глаз сразу выхватывает приметы ее обновления. Вот справа нарядно сверкает зеркальными витринами новый универмаг, рядом большой стадион «Торпедо», налево, чуть-чуть в стороне, многоэтажный Дом партийного просвещения с лекционными залами, библиотекой, кабинетами для учебных занятий, на углу Летне-Перевозенской строится здание театра.

Я подхожу к Золотым воротам, увенчанным каской купола. Отсюда начинается центральная часть главной улицы — улица Третьего Интернационала. В самом начале ее, напротив ворот, находится педагогический институт, а неподалеку, но уже на другой стороне, дом с мемориальной табличкой: здесь жил А. И. Герцен...

На этой же улице я еще встречу мемориальные доски с именами писателя Златовратского и выдающегося физика Столетова — владимирцев, внесших немалый вклад в сокровищницу отечественной культуры. Благодарные потомки не забывают светлый подвиг их жизни.

Перед раскинувшимся над Клязьмой по гребню древнего вала городским парком имени Пушкина и кудрявыми «Липками» поднялся граненый обелиск в память 850-летия Владимира. Это и ныне центр города. Но многовековые памятники истории, к которым прикасались волшебные руки Андрея Рублева и Даниила Черного, согласно соседствуют теперь с новыми зданиями.

Я иду дальше, мимо планетария и народной библиотеки имени Герцена, мимо гостиницы «Владимир» на обновленную улицу Фрунзе. В конце ее была Нижегородская застава, кладбище, и на этом кончался город. Теперь за старой заставой поднялись массивы новых домов, кварталы завода «Автоприбор», теплоэлектроцентрали. Недавно здесь же возник Научно-исследовательский институт смол, где разрабатываются методы получения материалов, каких еще не знала природа: новых синтетических волокон, искусственной кожи и еще бог знает чего. Мне рассказывали, что из тысячи двухсот сотрудников этого института семьсот человек имеют высшее и специальное среднее образование. И абсолютное большинство их — совсем молодые люди...

Я очень люблю бывать здесь в самом начале дня, когда троллейбусы и автобусы со всех концов подвозят рабочих, и шумным, густым потоком вливаются они в заводские ворота. Ведь это и есть живое лицо обновленного города!

Но если проследить за движением в центре Владимира, то можно увидеть, что главная часть людского потока направляется за речку Лыбедь, где на пустыре поднялся совершенно новый район с большими заводами — тракторным, электромоторным, со своими нарядными и просторными улицами, магазинами, Домами культуры и скверами. И я уж не знаю, какую улицу надо считать теперь главной: прежнюю ли, на которой стоят Золотые ворота, или Октябрьский проспект за Лыбедью, или новую улицу Мира?

Все они любы и дороги мне.

Вспоминаю старый, чужой мне Владимир и думаю:

Я теперь другому городу родня,
Есть совсем другой Владимир у меня.
Тот, в котором выпускают трактора,
Тот, в котором много света и добра.
Тот, что улицы просторно распахнул,
Аж за Клязьму с крута берега шагнул.
Приезжайте во Владимир поглядеть,
Как он начал хорошеть и молодеть!

Впрочем, я испытываю не только чувство восторженной радости, но и чувство озабоченности. У Владимира, каким я запомнил его в юности, была своя неповторимая красота, своя гордость: вишневые сады. Особенно нарядны и праздничны были они в весеннюю пору цветения. Казалось, будто серебристое облако легко и нежно упало на склоны холмов; казалось, лебеди белым пухом осыпали вишенник, а над цветущими деревцами с рассвета до заката золотое гудение пчел...

Это было прекрасно!

В размахе стройки многие из этих садов погибли. Их вырубали и строили каменные дома. Город шагнул далеко за окраины, опять-таки подминая сады...

А нельзя ли подумать о том, чтобы улицы перемежались садами, чтобы радостная красота их сияла для новых хозяев города — созидателей, тружеников?

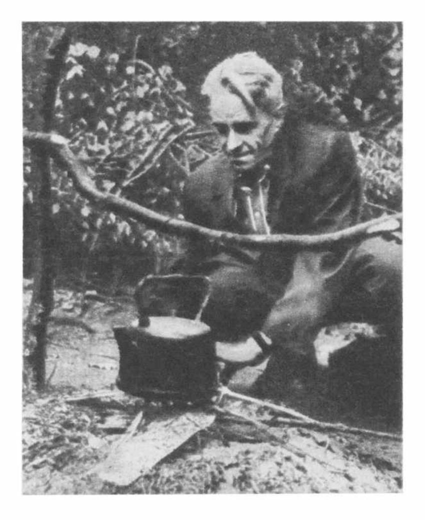
Красота — одна из счастливых радостей коммунизма. Мне хочется, чтобы новый, индустриальный Владимир сохранил для будущего красоту вишневых садов. Пусть распахнутся они по холмам над весенней Клязьмой, пусть опояшут заводские районы своим серебряным поясом. Об этом надо думать уже сегодня, и в первую очередь молодым владимирцам — наследникам и хозяевам будущего.

Пусть главная улица начнется вишневым садом и, позвенев стеклом и бетоном, снова вольется в сад.

* * *

...Вероятно, я не сумел передать здесь и сотой доли того, что хотел и что можно было бы рассказать о Владимире и о его главной улице. Люди, судьба которых так же, как и моя, в какой-то мере связана с этим городом, могут в чем-то ревниво поправить и дополнить меня, сказать и ярче и больше. Я понимаю это... Но ведь колодец жизни нельзя осушить до дна, хотя бы мы все прильнули к нему жаждущими губами. Сладкой свежести его достанет на каждого.

Сергей СМИРНОВ

Наедине с прекрасным

* * *

Завидую не вам —
преуспевающим
На поприще, где здравствую
и сам,
Не чересчур заслуженным
товарищам,
Не их номенклатурным голосам.
Но иногда,
написанное комкая
И трепетно приемля бытие,
Завидую тому,
чье сердце громкое
Переживет,
Перестучит мое.

* * *

Здесь как-то дышится приподнято
И сердце рвется к шалашу.
Я,
словно форменный инкогнито,
Живу,
Рыбачу
И пишу.

Хожу
лирическим задирою,
С огнем беседую на «ты»
И юной роще
аплодирую,
Как королеве красоты.

* * *

Юность шла
и травку приминала...
Я не вижу в этом криминала.

* * *

Какая мощь,
Какое торжество!
Душа не спит,
талант не увядает.
Пой, соловей,—
От счастья твоего
И людям кое-что перепадает.

* * *

Гром
о гром
ударился в зените!..
Остальное
Сами сочините.

* * *

Закурил
и, прядь со лба отбросив,
Смотрит благосклонно и ревниво,
А ему
земной поклон колосьев
Отдает желтеющая нива.

* * *

Вот как бы
месяцев двенадцать
Тут жить, как старший друг
и брат,—
Где гуси-лебеди гнездятся,
Где волны с небом говорят,
Где сплошь нетоптаные травы,
Где нет спасенья от росы
И где грачиная орава
О чернозем
светлит
носы.

* * *

Всему виной
рассеянность моя —
Чуть-чуть не наступил на муравья,
А он ко мне
рванулся, словно воин,
Мол, уходи,
Ты не туда залез!..

Потом солидно взял обломок хвои
И поволок ее,
как Геркулес.

* * *

Видимо,
по щучьему веленью
Женственность такая создана.
Каждая секунда —
преступленье,
Что поныне
ходишь ты
одна.

* * *

Жара.
И сухое-сухое
Шуршанье
на каждом шагу.
И, словно под рыжей дохою,
Поляна
и сено в стогу.

И пыльный закат.
И сутемки.
И сосен
слоновьи стволы.
И, как на замедленной съемке,
Тягучие
слезы
смолы.

* * *

Что-то первобытно-колдовское
Есть у этой полночи немой:
Бор
над притаившейся рекою,
Небо с полыхающей каймой,
Облака, похожие на горы,
Уханье сыча издалека
И в кромешной тьме ночного
бора
Крохотный фонарик светляка.

* * *

Размечтаюсь,
прикрою ладонями веки,
И реальное чудо встает предо
мной:

НОВЫЙ ГОД ВСТРЕЧАЮТ ПО-РАЗНОМУ

АФГАНИСТАН. Новый год здесь также совпадает с праздником весны, началом полевых работ. Сам король выезжает в поле, чтобы плугом провести первую борозду. В садах, рощах и на лугах собираются ремесленники строго по своим корпорациям: сапожники, плотники, медники и другие. Начинаются игры, показ удали, силы.

БАЛИ. У жителей этого острова Новый год бывает в разное время, так как по их календарю год равен 210 дням. Задолго до наступления праздника ведутся приготовления. Из подкрашенного риса делают двухметровые колонны «в дар богам». Новогодний праздник длится десять дней, после чего рисовые колонны жители съедают.

БИРМА. В Бирме Новый год начинается в апреле. Люди изнывают от жары. Поэтому здесь приятен обычай в новогодние праздники обливать друг друга водой. Кто бы ни прошел или ни проехал, его следует облить водой.

ИНДИЯ. На севере страны новогодние торжества совпадают с праздником Байсахи — 13 апреля. В это время на смену весне приходит знойное лето. Предстоит уборка урожая, ее встречают песнями, танцами, угощениями. В Южной Индии Новый год встречают обычно в марте, а в штате Керала — в июле и даже в августе. У жителей этого штата свой дед-мороз — сказочный король Махабал, который в первый день Нового года посещает своих подданных и исполняет их желания, а они в его честь украшают дома гирляндами цветов. В Западной Индии еще существует обычай встречать Новый год в октябре — ноябре. По всей Индии бытует поверье, что наступивший год будет таким, каким прошел его первый день. Поэтому в этот день повсюду царит веселье, музыка, танцы, спортивные игры и турниры. Особенно популярна стрельба из лука и запуск бумажных змеев.

ИРАН. В конце марта солнце входит в созвездие Тельца — значит, наступил Новый год. Этот праздник встречают в городах и селениях выстрелами из пушек и ружей. На праздничных столах — проросшее зерно, плоды лоха, чеснок, рута, яблоки, уксус и сок зеленых колосьев. Кроме того, столы обязательно украшают сосуды с плавающим зеленым листом, тарелки с крашеными яйцами и бокалы с живыми рыбками. В момент выстрела из пушки все держат серебряную монету в руке, так как тот, кто не сделает этого, по народному поверью, может весь год провести на чужбине.

ЛИВАН. На государственном флаге Ливана нарисован кедр. Вместо елки в Новый год устраивают веселье вокруг украшенного кедра. Детям дарят подарки, обещанные в течение старого года.

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА. У индейцев навахо сохранился обычай встречать Новый год у огромного костра на лесной поляне. Они танцуют в белых одеждах, их лица окрашены в белый цвет, в руках палочки с шариками из перьев на концах. Танцующие стараются быть поближе к огню, и когда шарики вспыхивают, они ликуют. Но вот появляются шестнадцать самых сильных мужчин, они несут ярко-красный шар и под музыку подтягивают его веревкой на вершину высокого столба. Все кричат: «Новое солнце родилось! Новый год!» Затем после «восхода солнца» в изгороди из елей, окружа-

По морям-океанам
текут
свои реки,
Величавей,
Чем реки на суше земной.

* * *

Здесь теперь
ни фронта
и ни тыла,
Но, приметы прошлого храня,
Брызжут в небе
вечные светила
Вспышками
Зенитного огня.

* * *

Вода озерная,
бескрайняя,
Повсюду тишь да благодать.
И вдруг
разбойный посвист лайнера—
Мелькнул и больше не видать.

А облюбованное озеро
Лежит,
чурается тревог,
И сонной силой приморозило
К воде
мой чуткий поплавок.

* * *

Была
недотрогой,
березкой,
Стремилась к высокой судьбе.
А этот,
с наружностью броской,
Увлек и женил на себе.

И стал он твоим Эверестом,
И стала
подножием ты.

...Под вечным
домашним арестом
Домашние чахнут цветы.

* * *

От солнца,
От лавины светоносной,
От суховейных августовских дней
Еще сильней
забронзовели сосны
И ели стали явственно темней,
А в гуще их,
колючих и неброских,
И в теплой сини обмелевших вод
Еще приметней
выглядят березки,
К ним никакой загар не пристает.

* * *

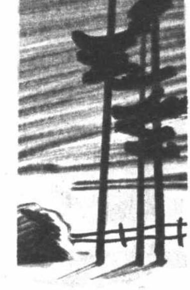
— Куда ты держишь путь,
товарищ речка?—
Спросил я у речушки луговой.
Лукаво просияла быстротечка
И в камыши нырнула с головой,
Свела меня с кустами краснотала,
Открыла мне тропинку к шалашу
И, убегая дальше,
прошептала:
— На поиски прекрасного спешу!

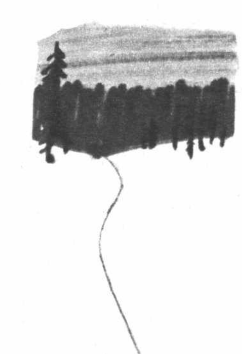
* * *

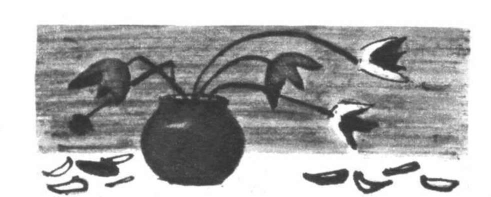
Старых ветел
плакучие патлы.
Запах листьев, сгоревших дотла.
Пулеметная очередь дятла
С безвершинной
колонны ствола.

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Затаенность звериных угодий.
Первый иней.
Кристаллинки льда.
Все чарует —
по-старому вроде.
Нет,
Сегодня сильней,
Чем тогда...

* * *

Где-то
позади осталось лето,
Желтый шелест подтверждает это.
Нераскрытой тайною одето
Эхо отдаленного дуплета.

Где-то
позади осталось лето.
В небе ни единого просвета.
И на все, что пето-недопето,
Осень наложила свое вето.

* * *

Я люблю этот дом —
с русской печью,
с подпольем,
С телевизором, впаянным
в теплую мглу,
Со снопом,
принесенным по осени с поля
И стоящим на лавке в переднем
углу.

* * *

Снег идет,
как заправский романтик.
Все снежинки
стерильно чисты.
В белизну горностаевых мантий
Облачаются даже кусты.

А зима,
расстояний не меря,
Всю природу берет под контроль
И сама,
как на светлой премьере,
Исполняет ведущую роль.

* * *

Светится упрямая
Киноварь зари.
За двойными рамами
Снег, да снегири,
Да причуды инея,
Да его огни,
Да прямая линия
От твоей лыжни.

ющей место торжества и имеющей один только выход — на восток, проделывают выходы на запад, юг и север: ведь солнце светит теперь всюду!

СУДАН. В Новый год суданцы празднуют День независимости своей страны. Все желают друг другу найти под Новый год зеленый орех: это к счастью. А чтобы счастливы были все, орехи разбрасывают.

ЯПОНИЯ. За несколько дней до 1 января в деревнях и городах слышен веселый перестук деревянных пестов. Во дворах толкут распаренный рис. Над каждой дверью подвешивают или ставят у дверей связанные вместе бамбук и молодую сосну как символ верности и долголетия, а если хозяину позволяет достаток, то еще и ветку цветущей сливы.

Ровно в полночь Нового года раздаются сто восемь ударов в колокол. В эти минуты, по японским народным поверьям, человек переступает некий порог, за которым его ждет новая судьба, когда все в жизни может пойти поиному, может прийти счастье. Три дня продолжаются семейные празднества, визиты к друзьям. По традиции, девушки собирают редиску, крапиву, брюкву, сельдерей и другие растения. На седьмой день нового года глава семьи варит из «семи весенних трав» особое блюдо с рисом и подает на завтрак.

* * *

Чтобы пополнить сведения о том, как празднуют Новый год в других странах, наш корреспондент побывал у студентов Московского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Вот что они рассказали ему.

БРАЗИЛИЯ. Мариета Салес говорит: «В Москве под Новый год стоит зима, трещат морозы, а в Бразилии только на юге изредка выпадает снег. У нас тоже есть дед-мороз, он похож на русского: в валенках, шубе и с мешком за плечами, наполненным подарками. Мы зовем его «папай ноэль» — «отец рождество».

ГАИТИ. Фриц Жераль Льето рассказывает: «Для нас, жителей острова Гаити, Новый год — это начало новой жизни, любимый праздник прежде всего для детей и молодежи — они больше всех жаждут счастья и новизны. Не случайно к Новому году гаитяне стараются хорошенько убрать свои жилища, отремонтировать или заменить новой старую мебель, а также помириться с тем, с кем поссорились. Все стремятся иметь в Новом году новый костюм, выглядеть в праздник красиво. Дети получают подарки, поздравляя родителей с Новым годом».

КЕНИЯ. Мируло Окелло сообщает: «Новый год у нас — самый большой народный праздник. Мы празднуем его на воде, так как в это время очень жарко и все живущие около озера Виктория садятся в лодки и удаляются от берега. Многие купаются, в воде шумно, весело. К встрече гостей готовят много вкусных мясных блюд, новогоднее угощение из тушеных бананов с вареньем. Вместо елки у нас сосна».

КИПР. «У меня на родине, — говорит Пенелопа Маркули, — в Новый год, ровно в 12 часов ночи, выключается на полминуты свет. Все стоят в темноте взволнованные, провожая старый год. Мгновения кажутся вечностью. Потом вдруг вспыхивает свет, все поздравляют друг друга с наступившим Новым годом. На столе — специально приготовленный к празднику фаршированный индюк. Много роз, зелени. Отец семейства торжественно разрезает по числу присутствующих огромный торт на куски. Кому-то счастливцу достанется кусок торта с серебряной монеткой! Детям под Новый год дед-мороз, которого у нас зовут святым Василием, положит в их ботинки праздничные подарки, после чего ребятишки ходят по улицам, навещают знакомых и поздравляют их с Новым годом, за что получают мелкие монеты».

П. ЧУМАК.

Газосварщик В. Антонов разогревается перед купанием, катая на санках сына Колю.

На зимнем пляже.

ЧЕРЕПОВЕЦКИЕ „МОРЖИ"

ФОТОРЕПОРТАЖ Л. БОРОДУЛИНА.

КОМАНДИРОВКА ПО ПИСЬМУ ЧИТАТЕЛЯ

В «Огонек» пришло письмо из Череповца. В. И. Башнин рассказывал о том, что в его родном городе появились «моржи». Это письмо мы поручили проиллюстрировать фотокорреспонденту «Огонька» Л. Бородулину.

Не удивляйтесь, читатель, что под Новый год мы завели разговор о купании. И не обвиняйте нас в отсутствии оперативности: ведь речь пойдет о купании не на черноморском пляже в разгар курортного сезона, а сегодня, в ледяной воде Шексны.

И не о героях-одиночках, бесстрашно ныряющих в прорубь, пойдет речь, а о целом коллективе любителей зимнего плавания, которых народ, как известно, прозвал «моржами».

В Череповце зимним плаванием увлекаются и молодежь, и пожилые люди, и представительницы так называемого слабого пола. Есть среди «моржей» подручные сталеваров, начальники цехов, врачи, бухгалтеры, студенты, именитые конструкторы, прокурор. И не думайте, что всех их природа щедро одарила исключительным здоровьем. Это далеко не так.

Два года назад из больницы Череповецкого металлургического завода выписался инвалид II группы В. И. Быстров, перенесший два тяжелых инфаркта. Врачи вернули его к жизни, но она уже не радовала потомственного рабочего, в 38 лет оставшегося в стороне от больших трудовых дел. Как выглядит В. И. Быстров сегодня, вы можете узнать, посетив зимний пляж на берегу Шексны. О его бедах напоминает лишь история болезни.

А вот другой случай. Автор письма в «Огонек» руководитель секции зимнего плавания В. И. Башнин, энтузиаст и подвижник, на себе испытал чудодейственные свойства ледяной воды.

Владимир Иванович лет сорок пять тому назад перенес тяжелейшую форму скарлатины со всеми возможными осложнениями и избавиться от них уже не мог. В его медицинском «активе» числились различные хронические двусторонние воспаления и катары, несколько операций, связанных с трепанацией черепа, и многое другое. Последняя строчка его многострадальной истории болезни оборвалась в 1960 году и... положила начало другой истории — истории одного из череповецких «моржей».

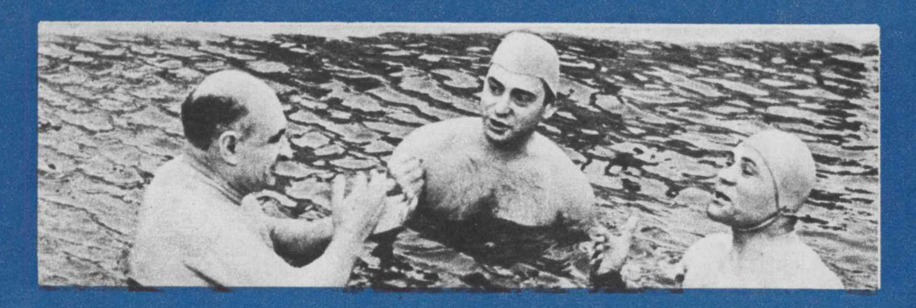
В том году в Череповце о зимнем купании знали лишь понаслышке, а нынешней осенью в ноябрьской демонстрации участвовала мощная колонна «моржей». Шли они, как и положено, в трусах и купальниках, несмотря на бушевавшую с утра метель.

Здоровье так же заразительно, как и болезнь, сказал как-то Ромен Роллан. Что ж удивительного в том, что сотни череповчан заинтересовались зимним плаванием. И вот на счету одного лишь В. И. Башнина 56 лекций и десять выступлений по телевидению. Выступают и другие «моржи», объясняя новичкам, что начинать надо не с ныряния в прорубь. Путь к зимнему пляжу на Шексне не столь уж прямолинеен. Надо постепенно готовить организм к такой сильной встряске, как купание в ледяной воде. Такой встряской считал купание в проруби великий физиолог И. П. Павлов, назвав его «полезнейшей штукой».

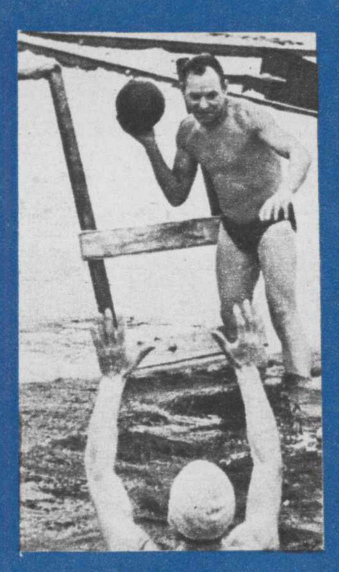
К сожалению, череповецких энтузиастов не жалуют вниманием городские спортивные организации, но это не расхолаживает их пыла. Они нашли поддержку среди спортсменов «северной Магнитки» — Череповецкого металлургического завода — и теперь даже расширили сферу своего влияния. Так, например, прошлой зимой любители зимнего купания выезжали к сибирякам — строителям Братской ГЭС, и теперь «моржи» появились и в студеной Ангаре.

Прощаясь друг с другом, любители зимнего плавания в шутку говорят: «Будьте моржовы!»

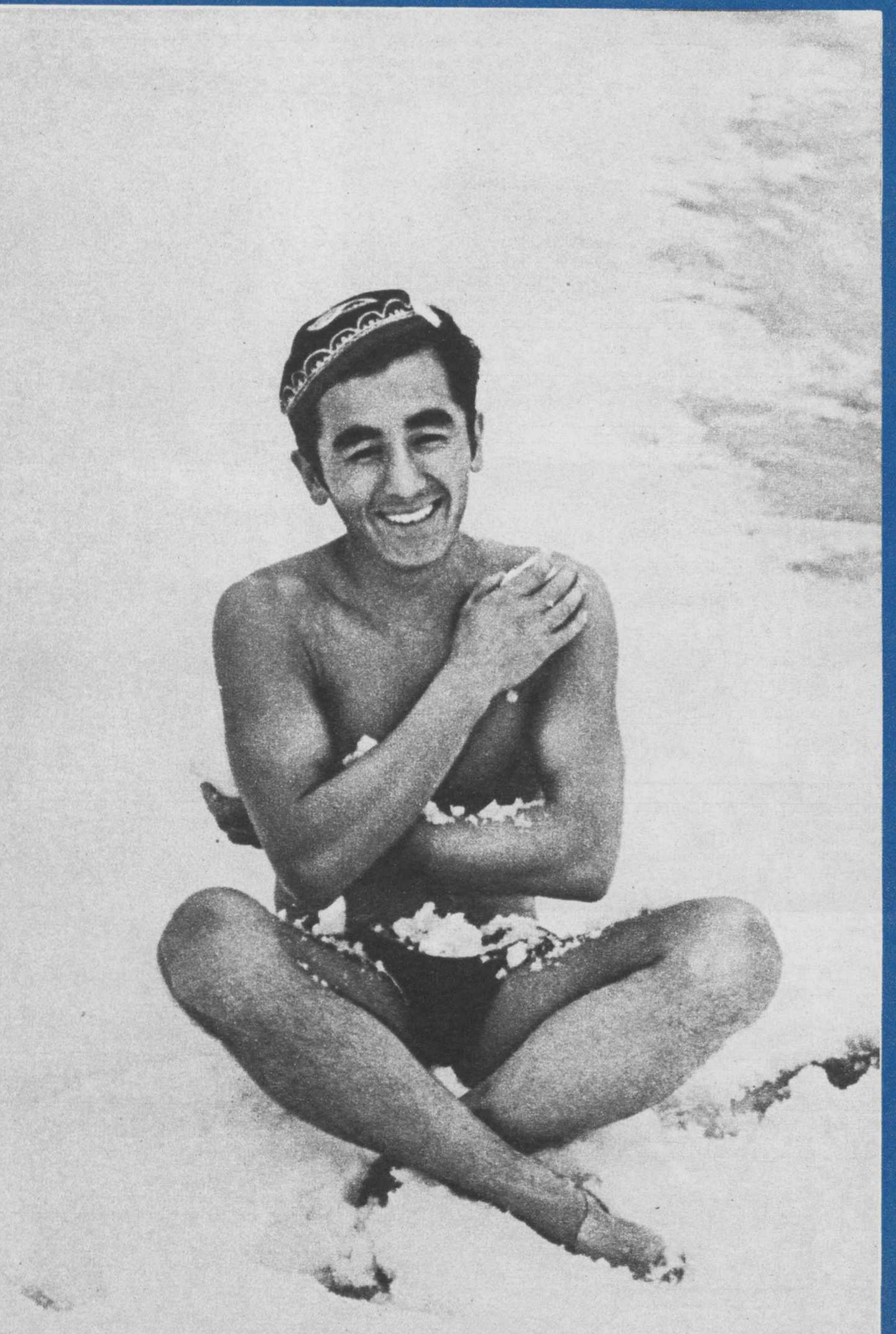
Ну что ж, дорогие череповчане, мы тоже хотим вам этого пожелать в новом году!

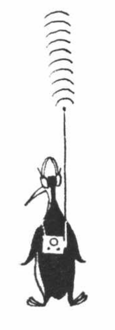
В проруби встретились В. Шаповалов, А. Поляновский и В. Кайлов — два начальника и один заместитель начальника разных цехов металлургического гиганта. Очевидцы утверждают, что это было самое короткое производственное совещание за всю историю завода.

В. И. Быстров с мячом.

По комсомольской путевке приехал в Череповец токарь Камчибек Закиров. Север пришелся ему по душе: он не только отлично работает, но и, как видите, неплохо акклиматизировался. Узбек Закиров просил нас передать его новогодний привет друзьям и родственникам в солнечном Андижане. С удовольствием выполняем его просьбу.

РАДИОПИНГВИНЫ

Сорок пингвинов были доставлены на Южный полюс. Это путешествие не имело бы смысла, если бы каждое животное не было снабжено миниатюрным радиопередатчиком.

Что будут делать пингвины, каков их путь с полюса, вернутся ли они на места, откуда их увезли? Теперь ученые смогут ответить на эти вопросы.

На трассе к Южному полюсу летают самолеты, на которых установлены приемники, ловящие радиосигналы пингвинов.

ДУНАЙСКАЯ БАШНЯ

К предстоящей международной ярмарке в Вене заканчивается строительство гигантской башни. «Дунайская башня», как ее назвали, имеет высоту 252 метра. Наверху расположены два ресторана и большая терраса. Оба ресторана поворачиваются вокруг оси, что позволит посетителям любоваться окрестностями города.

КРАСНЫЙ СВЕТ — ОБМАНЩИК

Нужно заменить красные сигналы сзади автомобиля зелеными — такое заявление сделал доктор Меррил Аллен из университета в штате Индиана (США). Свое мнение он основывает на том факте, что обычно два водителя из трех страдают хромостереопсисом, то есть окрашенные предметы кажутся им расположенными дальше, чем они находятся на самом деле. Эта ошибка чаще всего происходит, когда водители имеют дело с красным цветом.

Вот еще аргументы Меррила Аллена: установлено, что один человек из сотни практически не отличает красное, скажем, от желтого. Кроме того, многие дальнозоркие люди испытывают трудности в различении красного цвета, не говоря уже о дальтониках.

МОЛЬ ПРОТИВ ТУБЕРКУЛЕЗА

Туберкулезные бациллы покрыты тончайшим слоем вещества, похожего на пчелиный воск. Оно, как броня, защищает их от действия самых сильных лекарств.

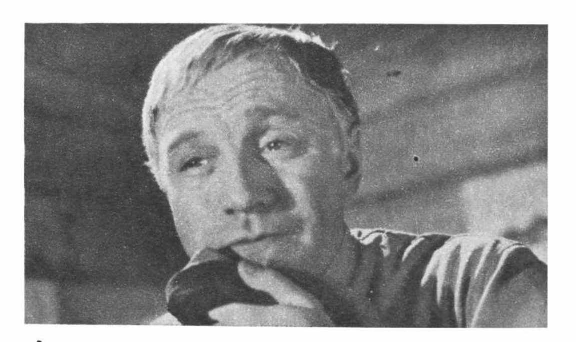
Профессор Люблинского университета имени Марии Кюри-Складовской Адам Пашевский призвал на помощь восковую моль. Дело в том, что это — одно из немногих насекомых, способных переваривать пчелиный воск. Ученый работает над поисками химического вещества в составе пищеварительных ферментов моли, помогающих ей уничтожать воск. Сейчас, после успешных экспериментов, намечено получение препарата против возбудителя туберкулеза.

Кино-елка „Огонька"

1

4

5

7

8

10

11

14

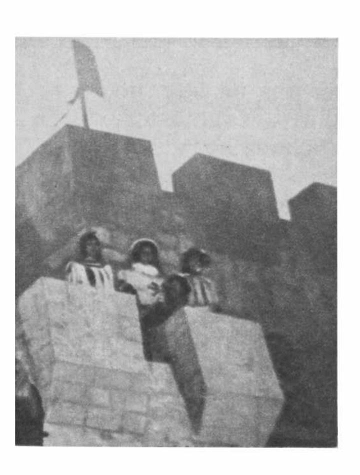

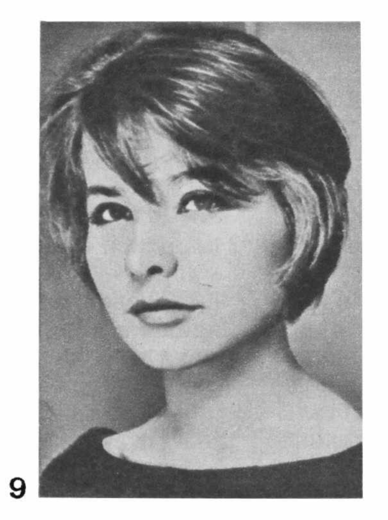
2

3

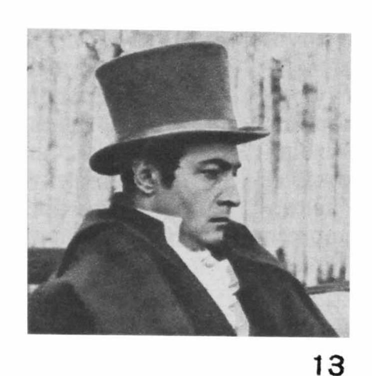
6

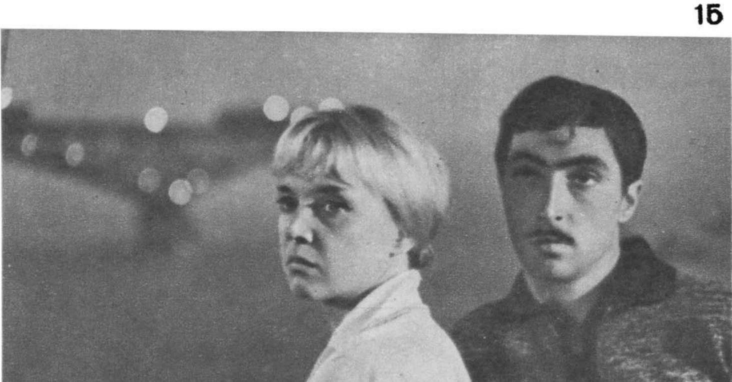
9

12

13

15

Какая же елка без звезд? На нашей — звезды не обычные, а кинозвезды. Они прибыли на праздник, не считаясь с расстоянием, киносъемками, непогодой. И, как водится, прибыли с подарками. Их подарок — новые роли. Что может быть желанней?..

1 Джульетта Мазина... Через шесть лет после премьеры «Ночи Кабирии» она снова снимается в фильме своего мужа, кинорежиссера Федерико Феллини. К сожалению, сюжет кинокартины «Джульетта и привидения» пока сохраняется в тайне, известно только, что это будет цветная комедия.

2 Кто бы мог подумать, что это Жан Маре? В новом приключенческом фильме «Фантома» актер исполняет сразу три роли.

3 Этот старинный богатый костюм, в котором Марина Влади играла принцессу Клевскую, очень к лицу актрисе. Наверное, поэтому она его и надела к нам на елку. Новая роль ее — современная: Марина Влади играет в фильме «Одинокие женщины».

4 Чуть с прищуром, с удивительной мягкой человечностью смотрят глаза человека в вылинявшей гимнастерке. Это Михаил Ульянов. В картине «Председатель» он с большим мастерством сыграл главную роль.

5 Итальянская актриса Даниэля Рокка, пленившая нас в фильме «Развод по-итальянски», стала кинорежиссером. По собственному сценарию она ставит картину «Тяжесть тела», где играет главную роль.

6 Участники сцены с поцелуем — артисты Н. Фатеева и Ю. Пузырев — на съемках картины «Палата».

7 Прекрасна и обаятельна Сильвана Пампанини. Мы видели ее в фильме «Утраченные грезы». За эти годы актриса снималась не только в Италии, но и в Латинской Америке. Ее новая роль — в картине «Путешествие».

8 Сергей Филиппов! Как пристал к нему этот берет с пером, высокий воротник, маршальский жезл! Неужели он перешел на классические роли, снимается в сценах из рыцарских времен? Нет, артист верен современности. Он играет в комедии «Спящий лев» роль обыкновенного завхоза обыкновенного банка. Распорядителем рыцарского турнира он предстает во сне своему сослуживцу.

9 Вы, конечно, помните фильм венгерских кинематографистов «Сорванец»? Этот веселый сорванец — актриса Мари Теречик. Скоро мы увидим ее в картине «Четыре девушки с одного двора», где она играет молодую сельскую учительницу.

10 Король одного из сказочных королевств Эраст Гарин так вошел в роль на съемках «Обыкновенного чуда», что распоряжается, не только находясь в кадре, но и за кадром. Впрочем, на это есть причины: Эраст Гарин — режиссер-постановщик.

11 Брижитт Бардо в прошлом году не снялась ни в одном фильме, отказавшись от выгодных коммерческих предложений. Популярность ее стала от этого еще больше. В новом году она выступит в музыкальных картинах «Да здравствует Мария!» и «Девушки из Рошфора».

12 Американского актера Стива Маккуина мы видели в «Великолепной семерке». Недавно он сообщил, что решил стать книгоиздателем, выпускать «детские книжки с веселыми картинками»!

13 Вячеслав Тихонов — исполнитель роли Андрея Болконского. В новом году выйдут две серии картины «Война и мир», которую ставит Сергей Бондарчук.

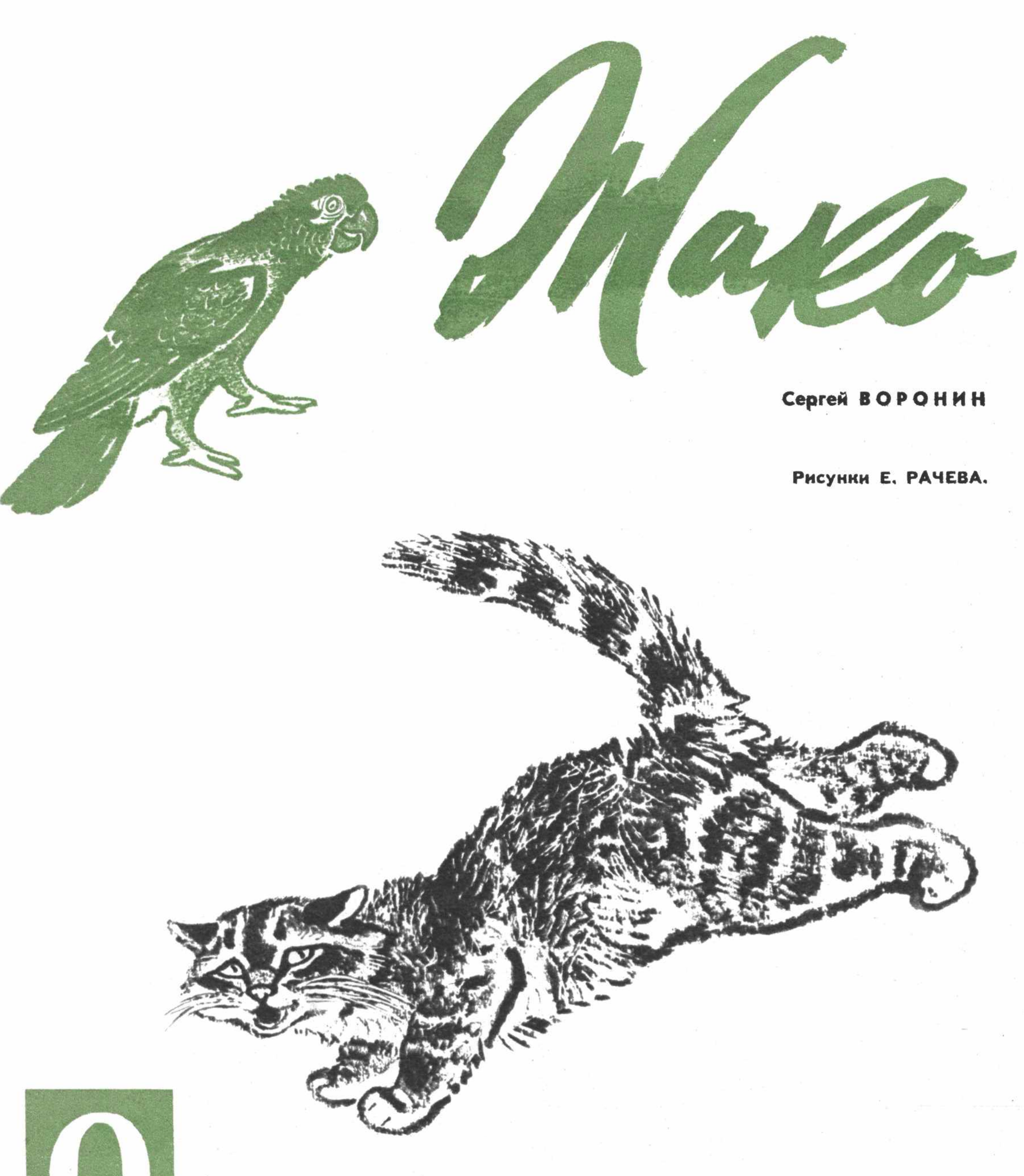
14 Сколько порывистости, кипения, молодости в жестах и манерах Тамары Семиной! Такая уж у нее роль. «Время, вперед!» называется картина, посвященная молодежи первых пятилеток.

15 Мы решили не рассказывать вам, почему эта пара — Людмила Гурченко и Михаил Казаков — чувствует себя чужой среди общего веселья. Пусть это узнают после выхода на экран картины «Строится мост».

Жако

Сергей ВОРОНИН

Рисунки Е. РАЧЕВА.

Однажды пришла к нам соседка, толстая, очень серьезная тетя в очках. Она уезжала в командировку в Москву и очень просила на время взять ее кота, чтобы он пожил у нас.

— С удовольствием,— сказала моя жена, хотя вряд ли испытывала удовольствие брать в свой дом чужого кота. Но она вежливая и поэтому ответила так. И тут же добавила: — Только я не знаю, ведь у нас Жако. И как бы кот не растерзал его!

— Ну что вы!— сказала соседка и даже пожала плечами от недоумения, как это, мол, так, что моя жена не знает, какой у нее хороший кот.—Мой Вася очень воспитанный. Он ни за что не тронет вашего Жако. Возьмите его, я вас очень прошу...

Жена взяла.

Если бы я слышал этот разговор, я бы никогда не разрешил жене взять кота. И все потому, что у нас действительно живет Жако.

Он появился в нашей семье в прошлом году. Его привез мой друг — моряк торгового флота. Он, пожалуй, во всех странах мира перебывал. В прошлом году был в Африке. И как только вернулся, сразу же пришел ко мне.

— Давно я хотел тебе подарить что-нибудь экзотическое, — сказал он,— и вот принес попугая.— С этими словами он снял с большого пакета бумагу, и там оказалась клетка, а в клетке крупная птица серого цвета с алым хвостом, с большим, толстым, изогнутым клювом.— Это жако, такая порода. Очень умная птица. Ее научить говорить ничего не стоит, но я, к сожалению, не мог этим заниматься: некогда было. У тебя же, надеюсь, время найдется.

Он почему-то считает, что если я писатель, то у меня уйма свободного времени. На самом же деле мне всегда не хватает времени: столько еще не написано задуманных мною книг. Но я промолчал, удивленно и радостно разглядывая подарок.

— Ты не бойся, это очень умная и аккуратная птица. Жако можно выпускать из клетки, он ничего не сломает и не разобьет. Жаль только, что я не научил его говорить, но надеюсь, ты с этим легко справишься.

Мы посидели с ним, поговорили, а потом он ушел, и все мои домочадцы: мама, жена и дочь — собрались возле попугая.

— Жако,— сказала дочь попугаю.— Жако... Жако...

Попугай скосил на нее желтый зрачок и вдруг совершенно четко и громко сказал:

— Жако!

Это было удивительно. Мы засмеялись. Дочь, конечно, громче всех, ей всего десять лет.

— Жако!— сказал еще раз попугай и отвернулся от нас — ему, наверно, не понравился наш смех,— но тут же он снова повернулся к нам и еще громче сказал, даже не сказал, а закричал:— Жако, жако, жако, жако, жако, жако, жако!..—Он раз сто прокричал это слово, и никак его невозможно было остановить. Кричит и кричит. Даже надоел нам. И мы решили пока больше никаким словам его не обучать.

Моя мама очень любит пить чай. По нескольку раз в день ставит чайник на плиту и, как только он закипит, приходит ко мне в кабинет и спрашивает:

— Чаю хочешь?

Иногда я иду, другой раз не иду, но дело не в этом, а в том, что Жако быстро подхватил мамины слова и к месту и не к месту стал спрашивать: «Чаю хочешь?» И до того это у него ловко получалось, что я отрывался от пишущей машинки и шел пить чай, думая, что это мама меня зовет, и только в столовой, видя, что там никого нет и чайника на столе нет, понимал, что это меня пригласил Жако.

Ко мне часто приходят товарищи. Ну и, как всегда при встрече, спрашивают:

— Как поживаешь?

Жако и это запомнил. Моментально усвоил, и не успевал еще гость раздеться, как попугай уже кричал из моего кабинета:

— Как поживаешь?

И случалось, что мой товарищ совершенно серьезно отвечал, думая, что это я его спрашиваю:

— Да ничего, живу.— И вешал пальто на вешалку.

А Жако продолжал быть внимательным и вежливым. Он спрашивал:

— Чаю хочешь?

— Ну, если у тебя ничего нет другого, то можно и чаю,— отвечал мой

Муса ГАЛИ

Книга

Эта книжечка — моя.
Открываю книжку я.

Происходят чудеса:
надо мной шумят леса!

Дождик льется на поля,
все живое веселя:

и корову, и цветок,
и зеленый колосок.

Где-то песня звучит,
где-то трактор стучит...

Может, это мне
приснилось—
ливень, ивы над рекой?..

Как все это уместилось
в книжке маленькой такой?!

Перевод с башкирского
Риммы Казаковой.

Николай БЕРЕНДГОФ

Дед Мороз

Дед Мороз все окна вышил
Звездочками на стекле.
Стало радостней и тише
От снежинок на земле.

Сон и дрема показали
Детям елку в ярком зале.
Замер снежный хоровод,
Стынет ветер у ворот.

Дед Мороз дышать боится,
Дети спят спокойным сном.
В белоснежных рукавицах
Лапы елок за окном.

Тих и светел чистый воздух,
Небо все в лучистых
звездах,
И сосулька над крыльцом
Светит лунным леденцом.

Рисунки В. ЧЕРНИКОВА.

Сергей ПОГОРЕЛОВСКИЙ

Вежливая щука

Пришла на щуку жалоба:
«Невежа эта рыба!
Не говорит «пожалуйста».
Не говорит «спасибо»!»

Решила щука с этих пор
Сменить свои обычаи:
Вести с мальками разговор
По правилам приличия.

Разинет пасть безжалостно:
— Пожалуйте!
Пожалуйста!

Проглотит пескарей
И скажет поскорей,
С душою,
Неспесиво:
— Большое вам спасибо!

товарищ, и входил в кабинет, и прямо-таки замирал на месте от удивления, не видя в нем людей, и поскорее шел на кухню или в столовую, разыскивая меня или жену, потому что ему становилось даже страшно от такого разговора, который заводил с ним попугай.

И вот, оказывается, теперь в нашей квартире появился кот. Вы представляете себе, что это значит. Однажды летом я видел, как большой рыжий кот напал на молодого голубя. Он прыгнул на него из-за куста, в то время как голубь купался в лужице дождевой воды. Он схватил его за горло и потащил в заросли, как все равно какой тигр. И загрыз его там.

Я бы, конечно, никогда не допустил в квартиру кота, хотя даже и такого воспитанного, как соседкин Вася. Но я ничего не знал. Сидел и писал свою книгу. А в это время кот стал ходить по квартире, все обнюхивать, осматривать, как все равно какой-нибудь ревизор, несколько раз мяукнул, не то одобряя наши порядки, не то осуждая. Так он обошел кухню, потом столовую и вошел ко мне в кабинет.

А я сидел, и писал, и не видал, как он вошел. Жако спокойно прогуливался по полу, изредка приглашая меня пить чай и напоминая, что его зовут Жако, хотя я и так прекрасно знал, как его зовут. И, конечно, я сначала не заметил кота, а когда увидал его, то весь похолодел от ужаса.

Вася, этот воспитанный, по заверениям хозяйки, кот, припал к полу, шевелил возбужденно кончиком хвоста, глаза у него сверкали от кровожадного желания, и весь он готов был к прыжку на беспечно гулявшего Жако. Мне сразу вспомнился тот рыжий кот, напавший на голубя, я хотел закричать, запустить чем-нибудь увесистым в этого воспитанного Васю, как вдруг сам Жако подскочил к коту и сильно ударил его по голове своим тяжелым, изогнутым клювом и спросил:

— Чаю хочешь?

Кот, впервые в своей кошачьей жизни услышав от птицы человеческую речь, настолько был ошеломлен, что даже перестал шевелить кончиком хвоста. А Жако еще раз ударил его клювом по голове и вежливо спросил:

— Как поживаешь?

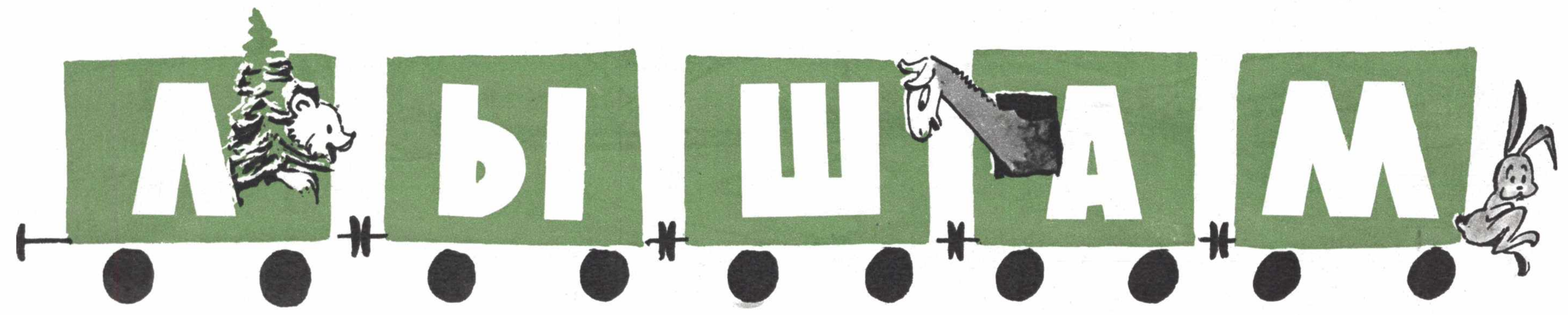
Тут кот совершенно растерялся и, заорав, подняв шерсть дыбом, а хвост трубой, бросился под диван и не вылезал оттуда до тех пор, пока не приехала соседка, так что и кормить его нам приходилось под диваном.

— Ну что, не правда ли, мой Вася очень воспитанный кот?—сказала она, прижимая его к груди.— Надеюсь, он вашу птицу не тронул?

— Нет-нет,— поспешил я успокоить соседку.

— Ну вот, видите, а вы...— Но что «вы», она не успела досказать. В это время из кабинета раздался громкий голос Жако: «Чаю хочешь?»— и тут же Жако выбежал к нам. «Как поживаешь?»— крикнул он. И кот, этот воспитанный Вася, заорал, стал вырываться из рук соседки. Он даже царапал ее.

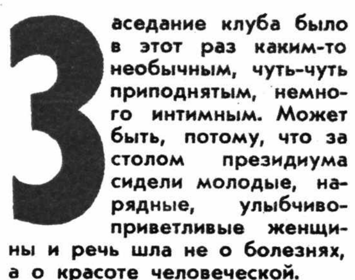
Не знаю, чем бы все это кончилось, может, он вырвался бы и опять забился под диван, но соседка посмотрела на воинственно стоявшего Жако, что-то сообразила и, даже не поблагодарив нас, быстро ушла в свою квартиру.

ОГОНЁК
КЛУБ ЗДОРОВЬЯ

ЧТОБЫ БЫТЬ КРАСИВЫМ...

А. ЧЕРНЯХОВСКИЙ,
член правления клуба

Заседание клуба было в этот раз каким-то необычным, чуть-чуть приподнятым, немного интимным. Может быть, потому, что за столом президиума сидели молодые, нарядные, улыбчиво-приветливые женщины и речь шла не о болезнях, а о красоте человеческой.

— Мне хочется напомнить вам,— говорит, открывая заседание клуба, **Антонина Федоровна Ахабадзе, директор Института врачебной косметики,**— что еще свыше ста лет назад Виссарион Белинский написал: «...Надо иметь дубовую натуру и заскорузлые чувства, чтоб смотреть на красоту, не пленяясь и не трогаясь ею». Белинский тут же справедливо добавил, что «одной красоты в женщине мало для романтизма нашего времени». Мы можем смело утверждать: и для нашего времени тоже! Красоту советской женщины — все мы это отлично понимаем — определяют прежде всего ее внутреннее содержание, ум, обаяние, душевность, доброта. Но что все-таки делать, если годы безжалостно вычерчивают на лицах предательские морщинки и округляют талии?

Законы физиологии строги, никому не дана вечная молодость, однако отсрочить приход непрошеной старости можно. И можно поспорить с природой, если она чем-то несправедливо огорчила вас. Современный уровень науки, накопившийся опыт позволяют утверждать, что каждая женщина может при желании и настойчивости стать стройнее, выработать красивую походку, осанку, сохранить непринужденность и грацию движений. На помощь ей в этом приходят разумный режим жизни, в частности питания, физическая культура и новая наука — косметология.

Недавно в Институт врачебной косметики приехала из Тамбовской области 42-летняя колхозница, мать троих детей. Что толкнуло ее на это путешествие? Оспинки на лице! Казалось, жизнь устроена, семья крепкая, на работе ценят, а она места себе не находит: оспинки мешают. Я мысленно вижу сегодня помолодевшее, преображенное лицо этой женщины, вижу ее оживленной и счастливой. Школьница из маленького уральского поселка пишет в наш институт: «Помогите моей маме, она кажется старенькой, у нее была тяжелая жизнь: одна растила нас. А мы хотим, чтобы наша мама была не хуже других».

Стремление хорошо выглядеть, тяга к красоте — духовной и физической — одно из ярких знамений нашего времени. Не случайно кабинеты и лаборатории Института врачебной косметики ежедневно заполняют почти полторы тысячи советских людей — рабочих, служащих, учащихся, колхозниц.

Впрочем, об этом лучше расскажет **заведующая отделением эстетической хирургии кандидат медицинских наук Людмила Александровна Крикун.**

Красноречивое свидетельство

— Мне хочется начать не с рассказа, а с показа. Вот альбом, в нем собраны некоторые фотографии наших больных. Посмотрите на одну из последних страниц альбома.

...Крупно снят затылок человека и уши — огромные, словно назло приставленные к черепу. Явные следы бесплодных попыток как-то скрыть изъян — всклокоченные космы длинных волос, поднятый воротник, голова, втянутая в плечи. Но ничего спрятать нельзя — проклятые уши нагло торчат, лезут в глаза, заслоняют всё. И рядом фотография: тот же затылок — тонкий, коротко подстриженный и по бокам уши, но сразу они даже незаметны.

— Вот что нам удалось сделать,— говорит Людмила Александровна Крикун.— Понятно, что ни продавленные переносицы, ни расползшиеся носы, ни торчащие врозь уши, ни уродливые бородавки не мешают людям работать, есть, спать. Но они отнимают радость. А скальпель хирурга-косметолога возвращает ее. Благодаря применению новейших методов, инъекций экстракта алоэ, лучей Букки, конского волоса вместо шелка нам обычно удается надежно «спрятать» швы. Ведь оперируем мы на лице, где так заметна каждая черточка, малейшая краснота, любое пятнышко!

Вы умеете умываться?

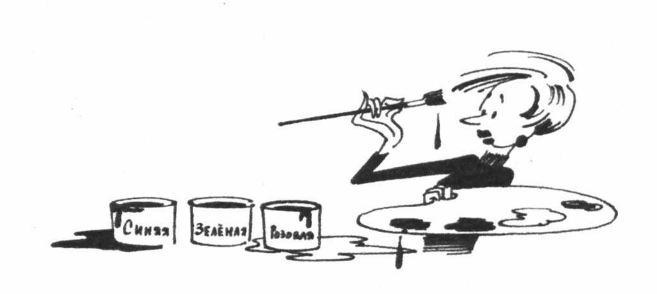
— Если бы оценить ответы на этот неожиданный вопрос по пятибалльной системе, то многим в общем-то культурным людям пришлось бы «вкатить» единицу,— вступает в беседу **Людмила Константиновна Слепкова, заведующая косметологическим отделением** того же института.

Если о глазах говорят, что они зеркало души, то с не меньшим основанием можно утверждать: кожа — это зеркало здоровья. Резкая бледность свидетельствует обычно о малокровии, пигментные пятна — об острой нехватке в организме витаминов, желтизна заставляет думать о непорядках в печени...

Стареть кожа начинает примерно в 25 лет, именно с этого возраста женщины должны систематически за нею ухаживать. Первое требование —безупречная чистота. И тут начинаются недоумения: «Раньше

умывались как придется, а теперь надо сколько раз? Какой водой? С мылом или без него?» Об этом много написано, и все-таки очень часты грубые ошибки. Вкратце повторю: все зависит от свойств кожи. Если она нормальной жирности, то умываться с мылом следует ежедневно на ночь; если жирная,— вечером и утром; если сухая,— обязательно раз в день, но без мыла. Очищать сухую кожу можно также ватным тампоном, смоченным в кипяченой воде пополам с молоком. Еще проще купить какой-нибудь жидкий витаминизированный крем — «Утро», «Рассвет», «Роза», «Сувенир», «Харьковский».

Людям с жирной кожей полезно умываться водой, подкисленной лимонным соком или столовым уксусом. Хорош также горячий отвар из листьев клевера или ромашки: он обладает противовоспалительным и антисептическим свойством. Две столовые ложки сухой травы заливают в кастрюле литром крутого кипятка, затем ставят эту кастрюлю в другую, с водой, и кипятят минут 30—40.

Чтобы уж закончить с умыванием, дам еще несколько практических советов: жесткая вода, в частности колодезная, совершенно не годится. Содержащиеся в ней соли кальция, магния и железа, соединяясь с жирными кислотами мыла, образуют своеобразную «броню» из нерастворимых элементов. Как же быть? Кипятить жесткую воду и добавлять на каждый литр чайную ложку питьевой соды, столовую ложку глицерина.

Горячая вода делает кожу дряблой, вялой, красной, а холодная ухудшает ее питание и вызывает сухость. Хороша «золотая середина»— вода комнатной температуры. Не безразличен и выбор мыла. При нормальной коже годится любое, кроме хозяйственного, при сухой — нужны «пережиренные» сорта («Любимое», «Косметическое», «Спермацетовое», «Голубь», «Кокосовое»). Если кожа жирная,— «Глицериновое», «Борно-тимоловое» или «Камфарное».

Следующий этап — питание кожи соответствующим кремом. Некоторые женщины думают добиться большего эффекта, подолгу расхаживая по квартире с лоснящимся лицом или, хуже того, ложатся так спать. Они не догадываются, что через час после нанесения крема его надо промокнуть мягкой бумажкой. Дело в том, что вода, входящая в состав любого крема, испаряется и он превращается, по сути, в мазь, способную лишь вызвать застой венозной крови, приводящий к расширению сосудов, одутловатости и дряблости кожи.

Нередко в магазине можно услышать разочарованный вздох женщины: «Нет моего крема, а другим не пользуюсь». И совершенно напрасно! Надо раз в месяц менять питающие кремы, иначе ткани к ним привыкают и эффект снижается.

Как видите, не так уж много косметических «секретов» красоты, и любая, даже самая занятая женщина вполне может «выкроить» время, которое необходимо для ухода за лицом.

Многие женщины не знают, как ухаживать за шеей, и она преждевременно дряхлеет. Рекомендуется питать ее так же, как и лицо. Крем наносится на переднюю часть шеи у основания и втирается легкими движениями вверх к подбородку.

А. Ф. Ахабадзе. И еще один совет: очень важна в этом отношении осанка. Женщине надо ходить с гордо поднятой головой, тогда и складок на шее будет меньше. Некоторые спят на чрезмерно высоких подушках, так, что подбородок у них подолгу прижат и кожа сморщивается. К появлению ранних морщин на лице ведет дурная привычка хмуриться, без нужды поднимать брови, читать лежа.

Ошибка философа

Древний философ удивлялся: почему ни ребенок, ни женщина, ни евнух не приобретают лысины? Философ был неправ, облысение отнюдь не составляет «привилегии» одних только мужчин.

— Почти каждый третий посетитель нашего института,— говорит **врач-косметолог Лидия Моисеевна Розентул**,— жалуется на усиленное выпадение волос, причем почти одинаково часто обращаются мужчины и женщины, люди пожилые и совсем юные школьники. Борьба с облысением — это проблема № 1 современной косметологии, и она еще далека от разрешения. Мы знаем только, что причин тут очень много: болезни, резкое истощение нервной системы, психические травмы, механические и химические воздействия.

В последнее время участились случаи выпадения волос у женщин, уделяющих слишком много внимания парикмахерским ухищрениям. Слов нет, девушки, женщины всегда должны быть подтянуты, опрятны, хорошо причесаны. Но красота (порой понятие о ней резко извращается) никогда не должна вступать в конфликт со здоровьем! Недавно вся в слезах прибежала ко мне восьмиклассница — миловидная, кареглазая девушка. «Смотрите, что у меня творится,— она провела по своей пышной голове «с начесом» редким гребнем и показала целый пук выпавших мертвых волос,— скоро уже совсем ничего не останется!» И действительно, не останется, если продолжать «начесывать», то есть ожесточенно водить гребнем против чешуек волос (к тому же сухих и ломких),— они начинают путаться, цепляются друг за друга, а потом обламываются и выпадают.

Нередко мы зря травмируем волосы, завязывая их в тугой бант, наспех, неосторожно расчесывая, делая пробор всегда на одном и том же месте, ежедневно смачивая голову холодной водой или одеколоном. С некоторых пор повелась еще одна нелепая мода — в любой мороз и под жгучим солнцем ходить с непокрытой головой. При этом резко ухудшается питание волос, и они выпадают. А сколько лысеет ярых модниц, одни из которых без счета прибегают к электрическим и химическим завивкам, а другие чаще, чем можно, перекрашиваются то в брюнеток, то в блондинок, то в седых! Особенно вредны замысловатые «постройки» на голове, покрытые лаком. Получается: сверху — блеск, а внутри — треск. Волосы по неделям не дышат, склеиваются и выпадают.

В очень многих случаях нам удается приостановить катастрофическое облысение и даже заставить волосы расти вновь. Но это всегда требует большой выдержки от больного и неистового терпения от врача.

...Под Москвой живет девушка Лида. У нее всегда забинтована до локтя правая рука. Свой секрет Лида доверила только нам, врачам: рука у нее покрыта густым волосом, точно шерстью заросла. А если у женщины растет борода? Если волосяное пятно покрывает щеку, часть лба? До последнего времени борьба с такого рода косметическими недостатками была очень трудной. Надо было особой иглой достать каждый волосяной сосочек, спрятавшийся глубоко в коже, и умертвить его гальваническим током. Одного профессионального терпения порой не хватало для того, чтобы на протяжении месяцев и лет, сеанс за сеансом, волосок за волоском отвоевывать обезображенную кожу. Для победы над этим злом требовалось нечто гораздо большее, чем чувство врачебного долга. Сегодня благодаря внедрению новых методов война с излишней волосатостью несколько облегчилась, но остается все еще чрезвычайно трудной.

Девушка Лида пока не сняла повязки, она лечится, но конец ее мучениям близок.

Косметологи отвечают

Рассказ врачей никого не оставил равнодушным. Посыпались вопросы:

— Что вы скажете о тональной пудре, румянах и других средствах декоративной косметики?

А. Ф. Ахабадзе. Легкая косметика способна украсить здоровое лицо, но это не маска для усталого и больного. Особенно осторожно должны пользоваться косметическими средствами пожилые женщины. Попытки замаскировать, «замазать» явные приметы возраста часто выглядят нелепо и даже смешно. Что касается тональной пудры, то она придает определенный оттенок коже и помогает спрятать небольшие дефекты — шрамики, сосудистые пятнышки и т. д.

— Расскажите о специальной гимнастике для лица и шеи.

Л. К. Слепкова. Мы за общую гимнастику. Если же у вас есть для этого время, то можно проделывать по утрам такое упражнение: возьмите в зубы карандаш и напишите им все буквы алфавита на приколотой к стене бумаге.

— Каковы приемы самомассажа?

А. Ф. Ахабадзе. Несмотря на кажущуюся простоту этой процедуры, она может принести больше вреда, чем пользы: надо знать, с какой силой и где нажимать пальцами, как долго растирать лицо, в каком направлении и т. д. Многие только растягивают себе таким образом кожу.

— Вы не назвали питательных кремов для сухой кожи.

Л. К. Слепкова. «Атласный», «Алоэ», «Янтарь», «Медовый», «Люкс», «Трембита». Для питания жирной кожи наиболее хороши «Идеал», «Волшебный», «Новинка».

— Многие девушки густо подкрашивают глаза, не портит ли это кожу?

Л. М. Розентул. Морщинки под глазами появляются не столько от краски, сколько из-за неумелого ее стирания и смывания с мылом. Лучше смочить ватный шарик оливковым маслом, питательным кремом и осторожно снять грим.

— Рекомендуется ли энергично расчесывать голову, так, чтобы кожа горела?

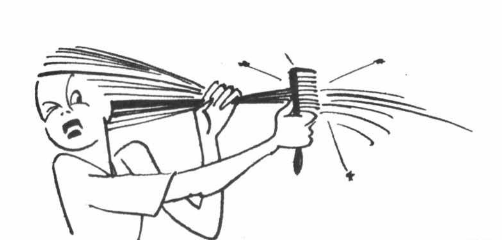
Л. М. Розентул. Коже головы приносит пользу массаж, а не такое настойчивое почесывание. У иных после этого начинают выпадать волосы.

— Можно ли мыть крашеные волосы цветным шампунем?

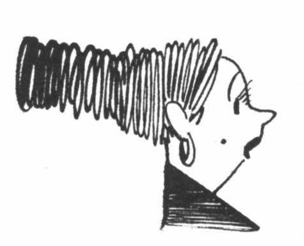
Л. М. Розентул. Надо знать его состав, иначе может произойти нежелательная реакция. К нам приходили девушки с зелеными волосами после таких экспериментов.

— В печати появились сообщения об успешных операциях, после которых у лысых начинают расти волосы. Так ли это?

Л. А. Крикун. Сообщения эти преувеличены. Мы тоже сделали около ста таких операций, но результаты более чем скромные. Изучение метода продолжается.

ЗАБАВНЫЕ МЕ

Сила привычки.

Рисунок Ю. Черепанова.

В ночь под Новый год.
Бабы-яги переходят на новую технику.

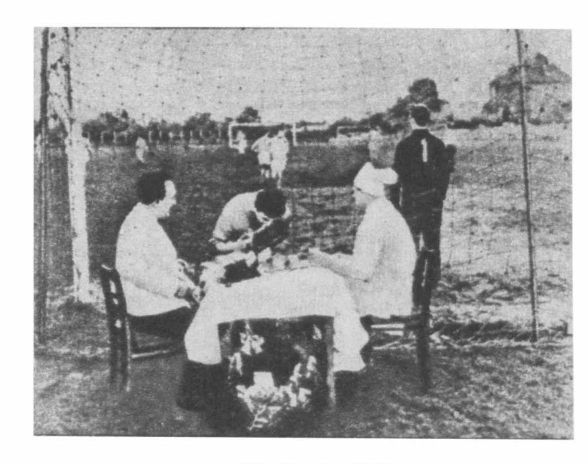
Рисунок И. Сычева.

— К кому бы еще пойти! У терапевта была, у онколога была, у хирурга была, у невропатолога была...

Рисунки В. Воеводина.

— Запомни, Петя: плечи реглан, вытачки косые, застежки на планке, глубокое декольте.

ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

ПОВАРА ПРОТИВ ОФИЦИАНТОВ

В Познани недавно состоялась футбольная встреча между поварами и официантами. Мяч был принесен на поле на подносе. Проголодавшиеся игроки во время состязания могли подкрепиться за обильным столом, стоящим за воротами.

ЮБИЛЕЙ ПИШУЩЕЙ МАШИНКИ

Перед вами пишущая машинка, сделанная из дерева. Сконструировал ее плотник из Тироля Петер Миттерхофер сто лет назад. В честь юбилея этого исторического экспоната в Вене была проведена выставка старых пишущих машинок.

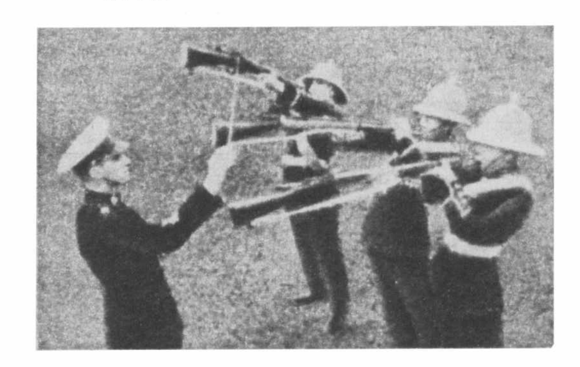
СВИРЕПЫЙ БОЛЕЛЬЩИК

На одном из футбольных матчей в Западной Германии в ход игры неожиданно вмешался не совсем обычный болельщик — сидевшая за воротами большая овчарка. Вы видите на снимке, как сурово она пыталась обойтись с нападающим противника...

ДЖО И ФРЕД

Джо и Фред — братья. Выступают эти обезьяны в цирке «Страсбургер» с очень сложным номером.

ЗАБАВ

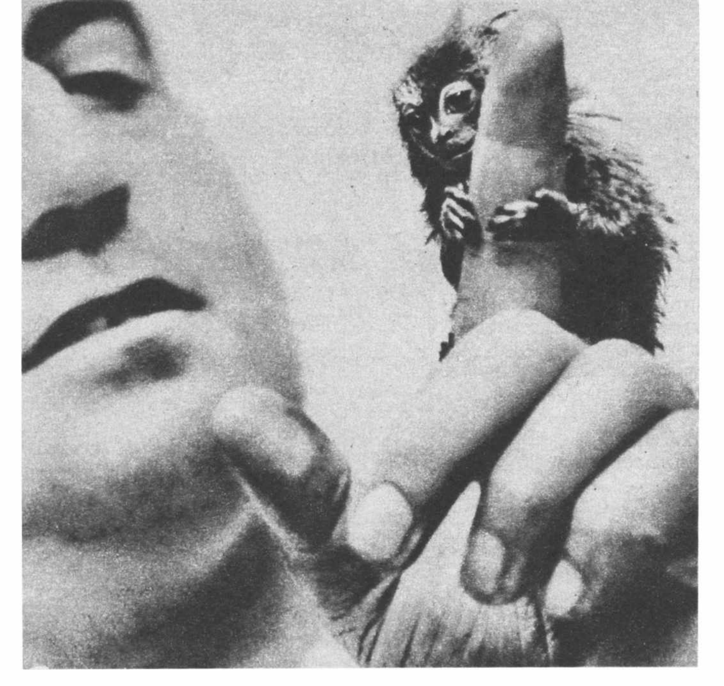
ЛОЧИ

ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

ПОЖАРНИКИ-ВЫСОТНИКИ

На вооружении гамбургских пожарников появилась лестница длиною 52 метра. К лестнице прикреплена спасательная корзина.

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ: МАМБО

На снимке изображен симпатичный зверек, которого привез к себе в Лос-Анжелос из бразильских лесов коммивояжер Герман Лессон. Крошечную обезьянку зовут Мамбо. Ее ежедневное меню состоит из одной виноградины, нескольких семечек подсолнуха и наперстка воды. Спит Мамбо в старом носке или в кармане пиджака.

ВСЕ ДЛЯ МОНАШЕК!

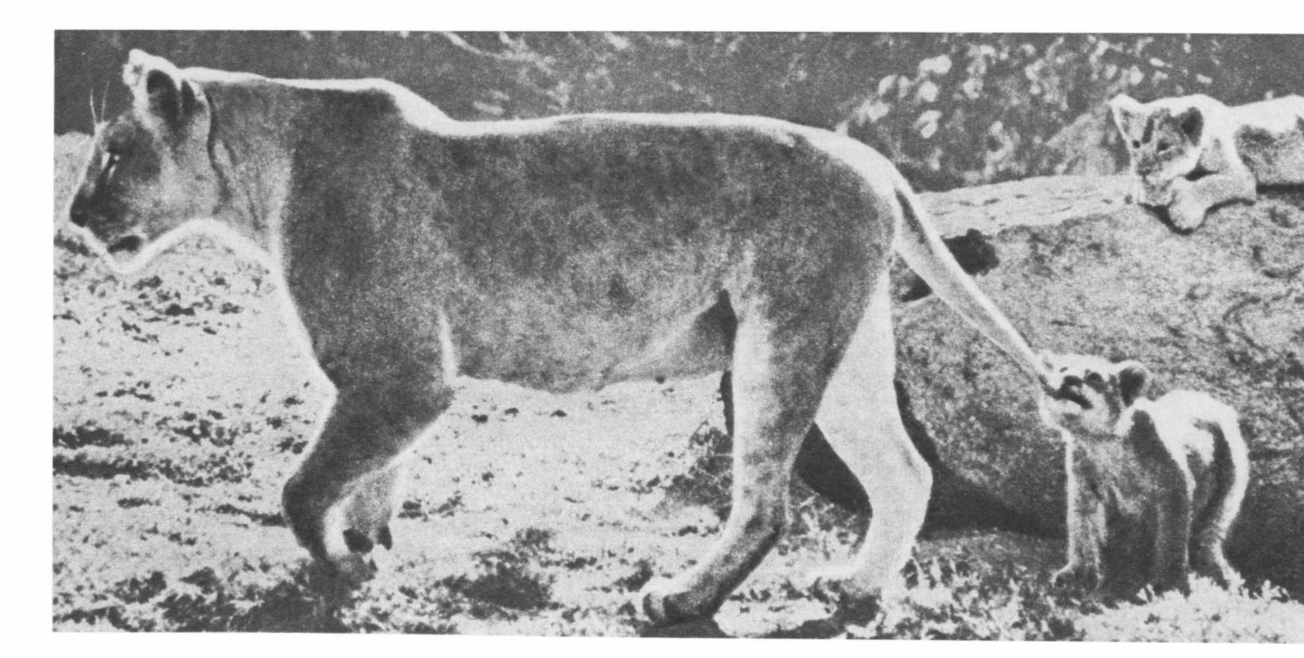
Риа Пьячентини, владелица салона мод в Риме, решила нанести удар по самой древней из сохранившихся моделей женской одежды: по традиционному облачению монашек. Считая их платья унылыми, безрадостными и устаревшими, синьора Пьячентини разработала новые фасоны. Слева — бело-коричневое повседневное платье современного покроя для монахинь любого возраста, справа — костюм для молодых монашек, путешествующих на мотоцикле.

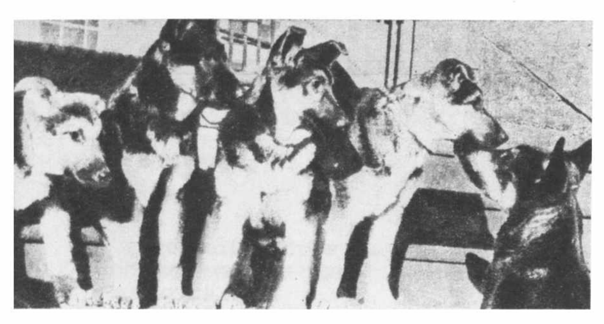
ПОДАЙТЕ МОНЕТУ...

Этого пса с электрическими лампочками на шляпе можно увидеть на одной из улиц Рима. Он держит пластмассовое ведерко в зубах, терпеливо ожидая, пока кто-нибудь из прохожих опустит в него монету для хозяина — прикованного к постели инвалида.

«НЕ ПУЩУ!»

Такую семейную сценку из жизни львов подсмотрела в нью-йоркском зоопарке фоторепортер западногерманского журнала «Кристалл» Эмми Хаас.

ЗАБОТЛИВАЯ МАМАША

Могут ли собаки объясняться друг с другом? Очевидно, да. На снимке вы видите овчарку, много лет находящуюся на службе в английской полиции. У нее четыре щенка, которые готовятся тоже поступить на службу в полицию. И вот перед парадом молодых собак заботливая мамаша дает своим детям последние наставления.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ РУЖЬЯ

Солдаты английской морской пехоты совершенствуются в игре на необычных духовых инструментах — винтовочных стволах. Недавно на празднике в честь годовщины морской авиации состоялся первый концерт.

ЛЮБИТЕЛИ ВКУСНОГО

Кабаны, населяющие леса в Арденнах, часто выходят на дороги, чтобы выпросить у прохожих что-нибудь вкусное.

Первой картиной, снятой в моей только что построенной студии, была «Собачья жизнь». Сюжет содержал элементы сатиры — сопоставление жизни собаки с жизнью бродяги. Этот лейтмотив и был фундаментом, на котором я строил всевозможные комедийные и фарсовые трюки, более или менее заурядные. Я начинал в это время размышлять над общей композицией комедии и постигать ее архитектонику: каждый эпизод несет в себе зародыш следующего, а все они вместе являются звеньями целого.

В первом эпизоде собаку спасают от напавшей на нее собачьей своры; второй эпизод — спасение девушки в дансинге, у которой тоже «собачья» жизнь. В картине много других эпизодов, и все они объединены друг с другом логической связью самих событий. Как бы ни были просты и примитивны эти комедии, приходилось вкладывать в них немало выдумки и изобретательности. Если трюк вступал в противоречие с логикой событий, я отказывался от него, как бы он ни был комичен сам по себе.

В кистоунские времена мой бродяга чувствовал себя свободнее, он был меньше ограничен рамками сюжета. Разум его редко просыпался — действовали больше его инстинкты, сосредоточенные на простейших вещах: еде, тепле, крыше над головой. Но с каждой новой комедией психология бродяги становилась сложнее. В его образе начало проступать чувство. И это породило сложную проблему — ведь бродяга жил до сих пор в атмосфере почти буффонады. Может быть, это покажется претенциозным, но я утверждаю, что именно комедия этого типа требует наиболее точного психологического рисунка.

Решение было найдено тогда, когда я стал думать о моем бродяге как о разновидности Пьерро. При таком подходе мне стало легче обогащать комедию различными оттенками душевных переживаний. Однако по логике вещей было, например, нелегко заставить красивую девушку заинтересоваться бродягой. И это всегда оставалось главной трудностью в моих фильмах. В «Золотой лихорадке» интерес девушки к бродяге был вызван тем, что она сыграла с ним шутку, потом почувствовала жалость, ошибочно принятую им за любовь. Девушка в «Огнях большого города» слепа. В этой ситуации бродяга для нее — воплощение романтики и очарования, пока к ней не возвращается зрение.

По мере того как я постигал искусство построения сюжета, ограничивалось мое комедийное своеволие. Некий «болельщик», которому больше нравились мои ранние кистоунские комедии, писал мне: «Тогда зритель был вашим рабом; теперь вы раб зрителя...»

Когда началась первая мировая война, все были убеждены, что она продлится не больше четырех месяцев: современная военная техника и методы ведения войны унесут такое ужасающее количество жизней, что человечество само потребует прекращения этого варварства. Но мы ошиблись. Нас настигла лавина диких разрушений, беспощадного истребления людей, и это продолжалось четыре года. Человечество было загнано в тупик. Шло какое-то всемирное кровопускание, и мы не в силах были остановить его. Сотни тысяч людей сражались, умирали; все стали задумываться над вопросом о том, как и почему началась война. Объяснения, которые давались, были весьма туманны. Говорили, что все это из-за убийства некоего эрцгерцога; но это едва ли могло послужить причиной мирового всесожжения. Людям нужно было более реалистическое объяснение.

Говорили, что война ведется за спасение демократии. Но хотя у одних было меньше причин воевать, чем у других, потери убитыми и ранеными были до ужаса «демократическими». Только после того, как в мясорубке войны были перемолоты миллионы, слово

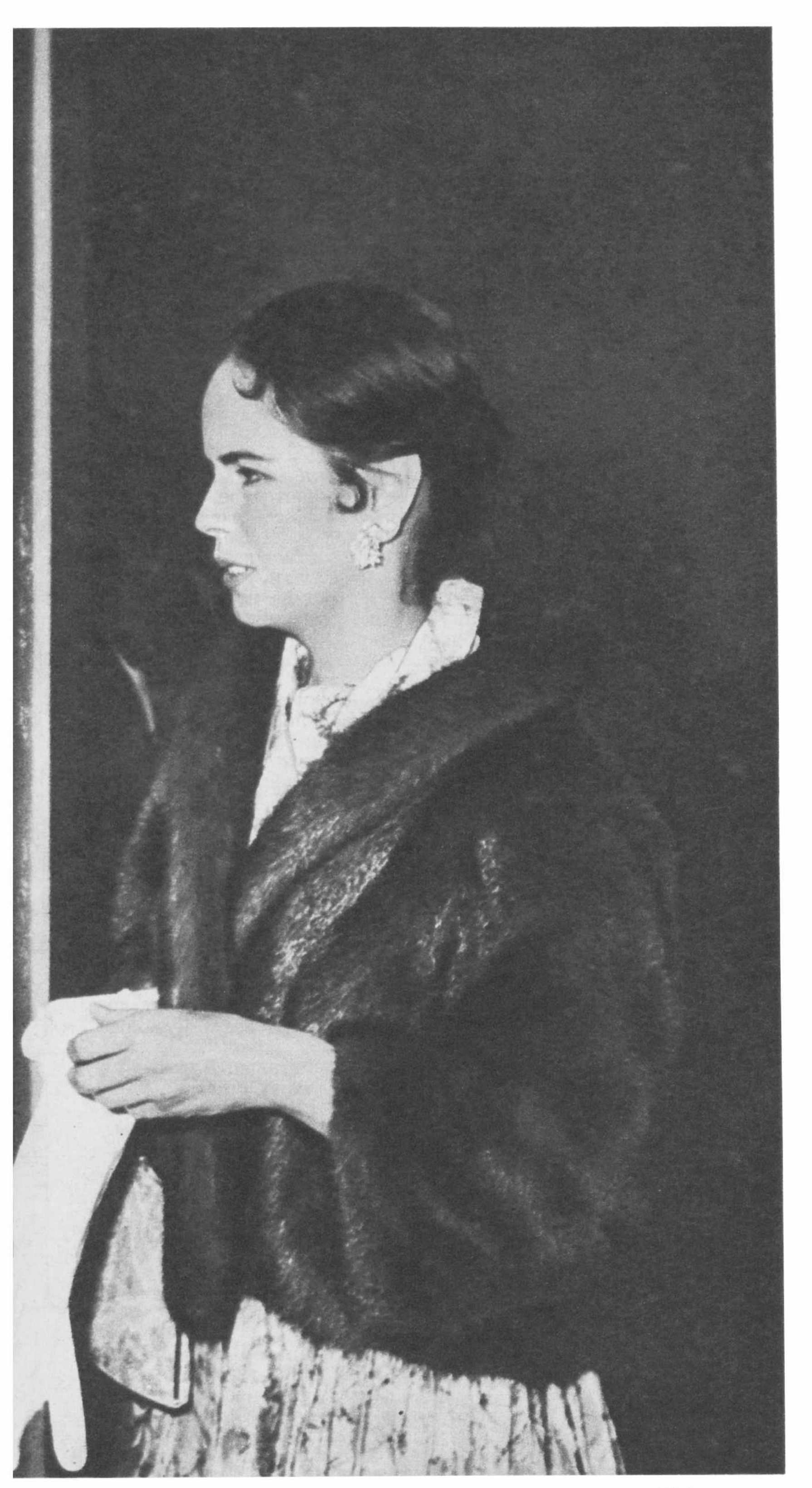

Отрывки из книги Чарли Чаплина печатались в «Огоньке» №№ 50—52, 1964 г.

Чарли ЧАПЛИН

**Чарли Чаплин и его жена Уна О'Нейл Чаплин. Лондон, 1956 г.
Фото Дм. Бальтерманца.**

«демократия» стало смутно маячить перед нами. А потом пошли опрокидываться троны, возникали республики, лицо Европы стало меняться...

Я с беспокойством думал о том, какую идею вложить в следующую картину, которую я должен был делать по контракту с «Фэрст Нэшнэл». И вдруг меня осенила мысль: а почему бы не создать комедию о войне? Я рассказал об этой затее некоторым друзьям; но они только качали головами и говорили, что опасно в такое время изображать войну в смешном виде. Опасно или нет — я весь загорелся этой идеей!..

Так родилась комедия «На плечо!». Работа заняла много времени, но я остался недоволен картиной. Такого же мнения были многие, смотревшие фильм на студии. Потом картину захотел посмотреть Дуглас Фербенкс, с которым мы уже были в то время близкими друзьями. Он явился на студию еще с одним приятелем, и я предупредил их, что совершенно обескуражен и собираюсь бросить фильм в огонь. В просмотровом зале нас было трое. С первых же кадров Фербенкс стал хохотать и потом почти не переставал смеяться — разве что для того, чтобы перевести дух. Милый Дуглас, он был для меня самой лучшей «публикой»! Картина кончилась, мы вышли на дневной свет. От смеха у Дугласа были мокрые глаза.

— Вы и в самом деле думаете, что это смешно? — недоверчиво спросил я.

— Ну что вы скажете о нем? — повернулся Дуглас к приятелю. — Он хотел бросить эту картину в огонь!

И больше Фербенкс не прибавил ни слова. Фильм прошел как боевик и пользовался большой популярностью среди солдат во время войны...

Продюсеры и владельцы прокатных контор тех времен были обыкновенными торгашами: для них любая картина была только товаром, который они сбывали по определенной цене за ярд пленки.

По предложению президента «Фэрст Нэшнэл» Дж. Уильямса я однажды выступил перед директорами его контор — речь шла тогда о небольшом повышении оплаты за мои картины, требовавшие больше времени и усилий, чем обычная продукция «Фэрст Нэшнэл». Кажется, я говорил искренне и убедительно. Но, наверно, я все-таки был похож на рабочего «Дженерал Моторс», пришедшего в одиночку просить о прибавке. Когда я кончил, воцарилось молчание. Потом один из директоров пошевелился.

— Знаете, Чарли, это бизнес, — сказал он. — Вы подписали контракт, и мы надеемся, что вы будете его придерживаться.

Я ответил коротко:

— Вы можете получить в течение двух месяцев те шесть картин, которые я должен дать по контракту. Разумеется, если вас устраивают такого рода картины...

— Это уж ваше дело, Чарли, — услышал я чей-то спокойный голос.

— Я прошу о повышении оплаты только для того, чтобы иметь возможность делать картины на высоком уровне, — продолжал я. — Ваше безразличие говорит о том, что вы не учитываете психологической стороны дела и не умеете смотреть вперед. Ведь не колбасой же вы торгуете — вы имеете дело с индивидуальным творчеством.

Ничто не могло их расшевелить.

Потом Сидней объяснил мне, что все дело в подготовляемой конвенции кинокомпаний.

— Ходят слухи, что все фирмы сливаются, — сказал Сидней.

На следующий день мы повидались с Дугласом и Мэри Пикфорд. Они тоже были обеспокоены: их контракты с «Парамаунтом» истекали, но им не предлагали пока ничего. Как и Сидней, Дуглас считал, что предстоит слияние кинокомпаний.

— А хорошо бы нанять сыщика, — вдруг предложил Дуг, — и разнюхать по-настоящему, в чем тут дело.

Мы пригласили одну шуструю девушку, смазливую и элегантную. Она вскоре познакомилась с одним из директоров крупной кинофирмы... Во время их встреч она выведала исчерпывающие подробности о том, что происходит в кинопромышленности: создается объединение кинокомпаний с капиталом в сорок миллионов долларов, связанное пятилетними контрактами со всеми прокатными конторами Соединенных Штатов. Дело, как сообщил ей новый знакомый, будет поставлено на чисто коммерческую основу, и это положит конец существующему положению, когда студиями руководит кучка полоумных актеров, получающих астрономические гонорары.

Мы показали отчет нашей разведчицы Д. Гриффиту и Биллу Харту. Сидней выдвинул следующий план: подорвать подготовляемое слияние, объявив продюсерам, что мы создаем нашу собственную компанию по производству фильмов, что мы будем распространять нашу продукцию на свободном рынке и останемся совершенно независимыми. Надо сказать, что в то время Фербенкс, Мэри Пикфорд, я, Гриффит, Харт были главной приманкой и главным источником доходов в кинопромышленности. Разумеется, мы и не помышляли о том, чтобы осуществить наш проект на деле. Мы хотели только помешать прокатчикам подписать контракт с новой монополией: без «кинозвезд» это было бы для них гиблым делом. И мы решили за день до подписания кинофирмами конвенции собраться и пообедать всем вместе в главном зале отеля «Александрия» и тут же сделать заявление для печати.

И вот мы сидим — Мэри, Гриффит, Харт, Дуглас и я — за обеденным столом в «Александрии». Это сразу вызвало толки. Глава «Фэрст Нэшнэл» Дж. Уильямс, ничего не подозревая, пришел пообедать. Увидев нас, он тут же выбежал из зала. В дверях появлялись один за другим и прочие продюсеры, оглядывали нас и исчезали. А мы вели «деловой разговор» и исписывали скатерть астрономическими цифрами. Как только кто-нибудь из продюсеров появлялся в зале, Дуглас принимался нести чепуху.

— Капуста на орешнике и бакалея на свинине имеют очень большое значение в последнее время! — говорил он.

Гриффит и Харт думали, что он спятил.

Вскоре у нашего стола сидело с полдюжины газетных репортеров. Они тщательно записывали нашу декларацию о создании компании «Юнайтед артистс» с целью защиты нашей независимости и борьбы с создаваемой кинomонополией. Сообщения корреспондентов были затем напечатаны на первых страницах газет.

Назавтра главы некоторых производственных кинокомпаний сообщили нам, что готовы уйти со своих постов: каждый предлагал себя в президенты новой компании за умеренную плату плюс участие в прибылях. После этого мы решили всерьез заняться нашим проектом. Так родилась кинокомпания «Юнайтед артистс».

* * *

Мы подъезжали к предместьям Лондона. Я жадно глядел из окон вагона, безуспешно стараясь узнать проносящиеся мимо

улицы. Возбуждение мое перемежалось с тревогой: а вдруг со времени войны Лондон совершенно изменился?

Я волновался все больше и больше. Сейчас во мне жило только одно: предчувствие. Предчувствие — чего? В голове все перепуталось, я не мог ни о чем думать. Я только видел верхушки лондонских крыш, но суть была не в этом. Все было предчувствием, одним предчувствием!

Наконец мы очутились на шумном вокзале. Ватерлоо! Выходя из вагона, я увидел на другом конце перрона толпы людей и цепь полицейских. Все вокруг было полно напряжения, все как бы вибрировало. И хотя я не в силах был что-либо воспринимать, я почувствовал, что меня хватают, ведут куда-то, словно арестанта. Когда мы подошли к толпе, напряжение разрядилось:

— Вот он! Вот он! Старина Чарли!

Буря приветствий. Меня впихнули в закрытый автомобиль вместе с моим двоюродным братом Обри, которого я не видел пятнадцать лет...

Я остановился в отеле «Риц»... За окном шумела толпа, звучали приветственные возгласы, и мне пришлось много раз выходить на балкон и на манер некоей царственной особы милостиво раскланиваться в ответ. Трудно описать, что я чувствовал в это время...

Мои комнаты в отеле были битком набиты друзьями, но мне хотелось одного: поскорее уйти от них куда-нибудь. Близился вечер, и я сказал, что хочу вздремнуть часок, а затем встречусь с ними за обедом. Как только все ушли, я быстро переоделся, сел в грузовой лифт и через черный ход, никем не замеченный, вышел на улицу. Я пошел вниз по Джермин-стрит, взял таксомотор и помчался через Хэймаркет, Трафалгар-сквер, по Парламент-стрит, через Вестминстерский мост.

Машина завернула за угол. Кеннингтон-роуд! Наконец-то!.. Я не верил глазам: здесь ничего не изменилось! Вот она, церковь на углу улицы, ведущей к Вестминстерскому мосту. Вот пивная у перекрестка Брук-стрит...

Я остановил машину, не доезжая до нашего дома. Странное спокойствие охватывало меня, пока я приближался к нему. С минуту я постоял, стараясь окинуть все одним взглядом. Это он, дом 3, на Паунолл-Террас, похожий на высохший древний череп. Я посмотрел на два окна верхнего этажа. Чердак, где сидела моя мать, слабая, истощенная, теряющая рассудок... Окна были плотно закрыты — они не выдавали тайн и равнодушно взирали на человека, стоящего внизу и не отрывающего от них глаз. Но их молчание говорило больше, чем слова...

Несколько ребятишек окружили меня, и мне пришлось уйти. Я пошел искать на улице конюшню, где помогал сортировать и продавать дрова. Но стены конюшни были обложены кирпичом, а моих хозяев и след простыл...

Кеннингтонский парк! Прошли годы, а он все так же зеленеет, все так же навевает грусть... Кеннингтон-гейт, где я в первый раз назначил свидание девушке по имени Хетти... Я постоял немного, поглядел, как остановился трамвай, как входили и выходили люди...

Мое путешествие по Кеннингтону, все, что я увидел там, казалось сновидением. Действительностью была моя жизнь в Соединенных Штатах. У меня осталось щемящее чувство: неужели у этих кротких улиц бедноты есть еще какая-то власть надо мной? Неужели они могут снова заманить меня в зыбучие пески своей безнадежности?..

* * *

Однажды, когда я был в Нью-Йорке, один приятель сказал мне, что лично видел, как в фильм был введен синхронно звук. Это, по его мнению, предвещало революцию в кинематографе.

Несколько месяцев я не думал об этом; потом компания «Уорнер-Бразерс» выпустила первый «говорящий» фильм. Фильм был «костюмный», в нем играла очень милая актриса, имя которой я не стану называть; она без слов изображала какое-то тяжелое горе, ее большие глаза были полны душевной муки, во всем этом была истинно шекспировская выразительность. И вдруг нечто новое ворвалось в картину — звук, похожий на гудение раковины, когда ее подносят к уху: прекрасная принцесса заговорила, голос ее звучал словно из-под земли: «Я выйду замуж за Грегори, пусть это даже будет стоить мне трона...» Когда ручка двери в комнате героини поворачивалась, раздавался звук, напоминающий треск только что заведенного трактора; а когда закрывалась сама дверь, это было похоже на столкновение двух грузовиков, везущих бревна... Звук еще не умели регулировать: странствующий рыцарь в латах гремел, как сталелитейный завод; простой семейный обед по звуку напоминал шум дешевого ресторана в часы пик... Я ушел с сеанса с мыслью: звуковой кинематограф умрет, не родившись.

Но через месяц вышел полнометражный звуковой фильм «Мелодия Бродвея» — он имел, несмотря на жалкий сюжет, гигантский кассовый успех. И пошло! Все кинотеатры по телеграфу требовали: дайте звук!.. Начинался закат немого фильма.

Но я твердо решил, несмотря ни на что, делать немые фильмы. Помимо всего прочего, я был мастером пантомимы и, без лишней скромности, явлением уникальным в этом жанре. И я продолжал съемки уже начатой картины «Огни большого города».

Ежедневно после работы над картиной я отправлялся на студию Фербенкса — принять горячую ванну. Там собирались его друзья — актеры, продюсеры, режиссеры. Мы сидели, потягивали джин и коктейли и спорили о звуковом кинематографе. То, что я работаю над новой немой картиной, сильно удивляло их. «Вы человек смелый!» — говорили они.

В прошлом мои работы вызывали неослабный интерес у продюсеров. Теперь они были слишком заняты оглушительным успехом звуковых фильмов. Через некоторое время я оказался не у дел...

«Огни большого города» были закончены, синхронизированы с музыкой, которую написал я сам. Без всякой рекламы мы устроили просмотр в одном из театров Лос-Анжелоса.

Это было кошмарное переживание. Картина шла в полупустом зале — зрители явились смотреть драму, а не комедию, и стали приходить в себя только на середине фильма. Слышались смешки, но слабые. Я заметил, как несколько человек уходят из зала, и толкнул локтем моего ассистента.

— Они уходят с сеанса!

— Может быть, им надо в уборную? — прошептал он.

Через несколько минут я снова сказал шепотом:

— Они не возвращаются.

— Многим надо поспеть на поезд,— отвечал ассистент.

Я ушел из театра с ощущением, что два года работы и затраченные деньги пропали даром. В фойе меня встретил директор кинотеатра.

— Картина очень хорошая,— сказал он, улыбаясь; затем последовал двусмысленный комплимент: — Теперь пора вам сделать говорящую, Чарли! Все ждут этого от вас.

Я постарался улыбнуться...

Мой администратор Ривс все-таки устроил премьеру в Лос-Анжелосе, в только что выстроенном новом кинотеатре. В то время в Лос-Анжелосе находился Альберт Эйнштейн с женой, эмигрировавшие в США из гитлеровской Германии. Я был знаком с ними еще с 1926 года, и они пожелали посмотреть премьеру «Огней большого города»... Эйнштейны пообедали у меня, потом мы вместе поехали в Лос-Анжелос. Главная улица на протяжении нескольких кварталов была полна народа. Витрины в магазинах рядом с кинотеатром были разбиты. Сквозь толпу с трудом пробирались полицейские и санитарные машины. С помощью чуть ли не эскадрона полиции нас втолкнули наконец в фойе театра...

Сеанс начался. Пока шли вступительные титры, в зале аплодировали, как на всех премьерах. Наконец начался первый эпизод. Сердце у меня стучало, как молот. Это была сцена, в которой снимают покрывало с монумента. Зрители рассмеялись! Смех перешел в хохот. Я покорил их! Мои страхи и сомнения стали испаряться. Все три первые части зал смеялся. И я — мои нервы были окончательно измотаны! — смеялся вместе со зрителями.

И вдруг случилось нечто невероятное. В самый разгар смеха в зале был включен свет. Голос по громкоговорителю объявил: «Прежде чем продолжать демонстрацию фильма, мы хотели бы отнять у вас несколько минут и рассказать вам о новом прекрасном здании нашего театра».

Я не верил своим ушам. Я чуть с ума не сошел от ярости. Вскочив, я бросился к выходу.

— Где этот идиот, этот сучий сын? Я убью его!

Зрители горой встали за меня. Они затопали ногами, стали хлопать. Болван со своей рекламой удобств театра вскоре умолк: зрители уже начинали угрожающе гудеть.

Но потребовалась еще целая часть, пока зрительный зал снова вернулся в колею смеха... Когда шла финальная сцена, я увидел, как Альберт Эйнштейн утирает глаза — лишнее доказательство того, что великие мужи науки неисправимо сентиментальны.

* * *

Я работал над окончательной редакцией моей картины «Мсье Верду». Раздался телефонный звонок. Звонил федеральный судебный исполнитель. Он сообщил, что у него есть повестка — меня вызывают в Вашингтон, в комиссию по расследованию антиамериканской деятельности. Всего в комиссию должны были явиться из Голливуда девятнадцать человек.

В Лос-Анжелосе находился в это время сенатор Пеппер из Флориды. Мне посоветовали повидаться с ним. Я отказался, считая, что мое положение особое (я не был американским гражданином). Все вызванные в Вашингтон решили, что твердо будут отстаивать в комиссии свои права, предоставленные конституцией США. (Те, которые так поступили, были посажены на год в тюрьму «за оскорбление суда».)

Повестка гласила, что я обязан через десять дней лично явиться в Вашингтон и зарегистрироваться в комиссии. Но вскоре пришла телеграмма: моя явка была отсрочена еще на десять дней.

После третьей отсрочки я, в свою очередь, послал телеграмму в Вашингтон. В ней я писал, что большое предприятие, которым я руковожу, остановилось и я несу убытки; что представители комиссии выезжали недавно в Голливуд и допрашивали там моего друга Ганса Эйслера — они могли бы допросить и меня и тем сэкономить государственные деньги. «Во всяком случае,— добавлял я,— для вашего удобства сообщаю то, что вы, вероятно, хотите узнать. Я не коммунист, никогда не состоял ни в какой политической партии или организации. Я то, что вы называете «торговец миром». Надеюсь, что это не оскорбит вас. Прошу точно установить, когда я буду вызван в Вашингтон. С уважением Чарльз Чаплин».

Я получил неожиданно корректный ответ: моя явка не является необходимой, и я могу считать вопрос исчерпанным...

...Окончив работу над «Мсье Верду», я устроил в Голливуде закрытый просмотр для моих друзей. Когда картина кончилась, Томас Манн, Лион Фейхтвангер и другие встали и больше минуты горячо аплодировали.

Уверенный в успехе, я отправился в Нью-Йорк. Но меня сразу атаковала газета «Дейли ньюс». Я прочел следующее:

«Чаплин прибыл в Нью-Йорк на премьеру своей картины. После его подвигов в качестве «сочувствующего» я вызываю его вы-

А. Михайлов. НАД МОСКВОЙ.

Ю. Рейнер. КЛЯЗЬМИНСКИЙ ПАНСИОНАТ.

Б. Преображенский. ТРАКТОРЫ «ЧТЗ» ПРИШЛИ В ГВИНЕЮ.

И. Середин. СПОРТ СМЕЛЫХ.

ступить на пресс-конференции, где буду присутствовать сам и задам ему два-три неприятных для него вопроса».

Сотрудники «Юнайтед артистс», имеющие дело с газетами, стали совещаться: следует ли мне выступать перед американской прессой? Я был возмущен травлей, тем более что накануне встречался с зарубежными корреспондентами, и они меня приняли очень тепло. К тому же я не из тех, кого можно запугать.

На следующее утро я принимал американских корреспондентов в одном из залов моего отеля. После того как подали коктейли, я явился туда и сразу почуял подвох. Я говорил, стоя за небольшим столиком. Стараясь быть как можно приветливее и любезнее, я начал:

— Добрый день, дамы и господа. Я готов поделиться с вами некоторыми сведениями, которые могли бы вас заинтересовать, относительно моей картины и моих дальнейших планов.

Ответом было молчание.

— Только не все сразу! — сказал я, улыбаясь.

Наконец какая-то корреспондентка, сидевшая впереди, спросила:

— Вы коммунист?

— Нет,— ответил я коротко.— Пожалуйста, следующий вопрос.

Послышалось какое-то бормотание. Я подумал, что это мой друг из «Дейли ньюс», но он блистал своим отсутствием. Вместо него некий неопрятный тип в пальто читал свой «вопрос» по записке, низко над ней наклонившись.

— Простите,— сказал я.— Вам придется прочесть еще раз: я не понял ни слова из того, что вы читаете.

— «Мы, ветераны войны, католики...» — начал он снова.

Я прервал его:

— Я не собирался отвечать на вопросы ветеранов-католиков. Это пресс-конференция для представителей печати.

— Почему вы не приняли американского гражданства? — раздался чей-то голос.

— Я не вижу причины менять мое гражданство. Я считаю себя гражданином мира.

Это вызвало движение в зале. Два или три репортера стали задавать вопросы, перебивая друг друга. Один сумел перекричать остальных:

— Но вы зарабатываете деньги в Америке!

— Что ж,— сказал я с улыбкой,— если вы переносите вопрос на чисто коммерческую почву, могу дать вам отчет тут же. Моя деятельность носит международный характер: семьдесят процентов моих доходов я получаю из-за границы, а Соединенные Штаты взимают с этих доходов все сто процентов налогов. Как видите, я гость, хорошо расплачивающийся за гостеприимство.

Снова засопел «ветеран-католик»:

— Где бы вы ни получали свои доходы, здесь или там, мы, которые высадились на берегах Франции, возмущены тем, что вы не гражданин Соединенных Штатов.

— Не один вы, парень, высаживались на тех берегах,— сказал я.— Два моих сына были в высадившейся американской армии, на передовых позициях, и они не кичатся и не спекулируют этим, как вы...

— Вы знакомы с Гансом Эйслером? — спросил один репортер.

— Да, он мне близкий друг, и он выдающийся музыкант.

— Вы знаете, что он коммунист?

— Это мне безразлично. Наша дружба строится не на политической основе.

— Вам, видимо, коммунисты нравятся?

— Никто не смеет мне указывать, кто мне должен нравиться или не нравиться. До этого мы еще не дожили.

Среди враждебного шума раздался еще один голос:

— Как может себя чувствовать художник, обогативший мир радостью и сочувствием к маленькому человеку, если этого художника подвергают травле и выдают с головой его ненавистникам и врагам, причем делают это так называемые представители американской прессы?

Я настолько не ожидал хоть какого-нибудь выражения симпатии, что не уловил смысла вопроса и сказал резко:

— Извините, я не понял вас. Прошу повторить вопрос.

Мой сотрудник наклонился ко мне и прошептал:

— Этот парень — за вас. Это Джим Эйги, американский поэт и романист; сейчас он работает в литературно-критическом отделе журнала «Тайм».

Я был застигнут врасплох и сконфузился.

— Очень сожалею, но я не расслышал. Не будете ли любезны повторить?

— Не знаю, сумею ли,— сказал он немного смущенно, но повторил вопрос примерно в тех же выражениях.

Я не мог придумать ответа. Я только кивнул ему и сказал:

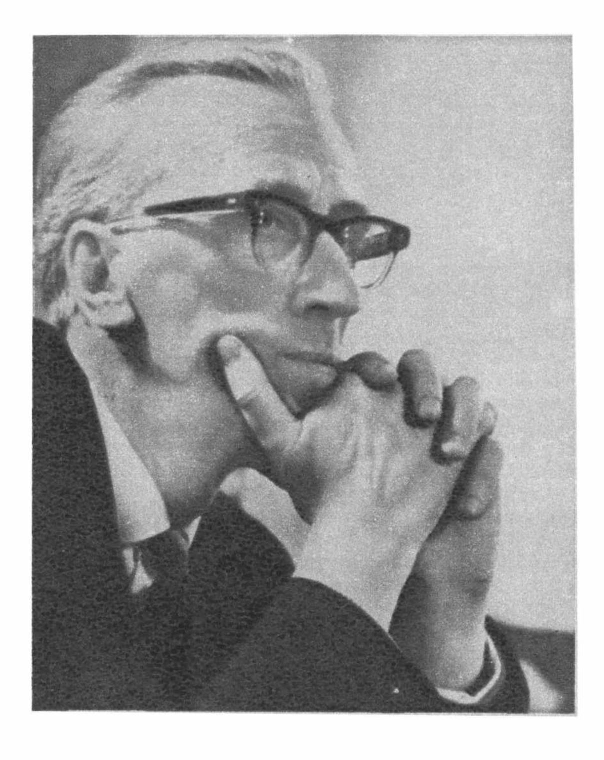
— Ничего не могу сказать... И благодарю вас.

После дружеских слов этого человека я утратил свой воинственный пыл и уже не мог продолжать пресс-конференцию.

— Мне очень жаль, дамы и господа,— сказал я.— Я думал, что вы собрались, чтобы получить от меня интервью о моем фильме; вместо этого получилась политическая перебранка. Поэтому я больше ничего не могу добавить.

После пресс-конференции я почувствовал что-то вроде приступа тошноты. Я знал, какая свирепая враждебность намеренно нагнетается против меня.

(Продолжение следует).

С любовью к жизни

Как-то во время летних каникул одну из донецких школьных филармоний пытались лишить помещения. Задумавшему это администратору пришлось услышать убежденные слова скрипачки-пионерки:

— Мы напишем Дмитрию Борисовичу Кабалевскому — и вам будет стыдно!

Возможно, среди многих и многих писем, получаемых сейчас композитором к шестидесятилетию, есть и письмо этой девочки.

Вот уже немало лет регулярно переписывается он с десятками детских музыкальных коллективов, с тысячами ребят, стремящихся глубже постичь чудотворное искусство музыки. Ни одно письмо не остается без обстоятельного ответа. А на наиболее интересные Кабалевский отвечает ребятам по радио, через «Пионерскую правду» и детские журналы. Отвечает по-гайдаровски серьезно и взыскательно, а порой и строго, без подлаживания и умиления. Вот почему переписка не обрывается на первом письме, а продолжается долгие годы.

Кипучая, последовательная борьба за эстетическое воспитание подрастающего поколения. Многотрудная деятельность по пропаганде прекрасного. Живое общение с теми, для кого сочинена музыка. Разве эти черты не ярче всего характеризуют выдающегося композитора как подлинно советского художника?!

Автор опер «Кола Брюньон» и «Семья Тараса», концерта для фортепьяно с оркестром, посвященного советской молодежи, и гневного «Реквиема», монументальных симфоний и детских хороводных песен, Дмитрий Кабалевский писал: «Превыше всего, превыше себя, превыше искусства художник должен любить жизнь. Ибо жизнь — источник его вдохновения, основа содержания его творчества, ключ к подлинному искусству!»

В собственном творчестве Дмитрий Борисович ни на шаг не отступает от этих слов, обращенных им к молодым музыкантам. Любовь к жизни, к людям, строящим новую жизнь, неизменно помогает композитору быть в своих произведениях по-настоящему современным. Это достигается не формальными изысками, а животворным ощущением, как подчеркивает композитор, «духовной атмосферы нашего времени». Современное звучание и высокая масштабность пронизали не только новый концерт Кабалевского для виолончели с оркестром, но и новый цикл артековских песен: самые малые формы остаются для композитора большим, вдохновенным искусством наших дней!

Кабалевский — талантливый дирижер. География его дирижерских выступлений захватывает и Донбасс, и Дальний Восток, и Урал... Он дирижировал и в крупнейших концертных залах страны и в сельских Домах культуры на алтайской целине.

Кабалевский — горячий публицист и увлеченный искусствовед. Перечень одних только его печатных выступлений по вопросам искусства достигает трехсот названий. В этом перечне статья для «Правды» «Жизнь и художественная культура» закономерно соседствует с очерком о школьном оркестре города Мундыбаша «Воспитание чувств».

С. Я. Маршак, на чьи стихи Кабалевский написал немало музыки, уже больным, рассказывал мне в Ялте, какими радостными были для него всегда встречи с композитором.

— Знаете, чем примечателен его талант? — спросил меня Маршак. И тут же ответил: — Накрепко, морскими канатами связал он музыку со всем искусством, со всей культурой! — И затем добавил:— И молод он, поразительно молод!

Да, молодость Дмитрия Борисовича настолько неиссякаема и заразительна, что я с недоверием гляжу на цифру «60» в этих строках, продиктованных восхищением многообразной творческой и общественной деятельностью большого художника-коммуниста.

Ц. СОЛОДАРЬ

Фото В. Кейлина.

Виктор ЛОГИНОВ

Через до

На Второй Пригородной раньше всех подымалась бабушка Сонкова. Зимой еще затемно она шаркала деревянной лопатой—отгребала снег, летом гремела ведрами—носила из колодца воду. И отгрести снег и наносить воды в кадку бабушка могла днем («День-то, как пустыня»,— жаловалась она), но ей не спалось, утра, особенно летом, были длинные, и от вынужденного постылого безделья на старости лет бабушка Сонкова бестолково хлопотала, спозаранку тревожила соседей.

К девяти часам утра у нее все было переделано: печка истоплена, скотина обихожена (скотиной старуха называла козу), в избе подметено и прибрано. Бабушка Сонкова выходила на крылечко и глядела на улицу из-под ладони, словно ждала кого-то. Но все знали, что ждать ей было некого: муж ее помер на Урале, три сына погибли в эту войну на фронте, четвертый жил далеко, приезжал редко, и только каждый год летом гостила у бабушки Сонковой старшая дочь сына — Таня. Полтора месяца в году бабушка Сонкова была счастлива и всем на свете довольна.

Отстояв свой срок на крылечке, бабушка выходила за калитку, садилась на лавочку и заговаривала по очереди то с воробьями, то со своей кошкой, то с чужой собакой. Воробьям она советовала, где лучше поклевать, собаку укоризненно отчитывала: громко лает,— кошку поучала, как ребенка: не там сидит и не туда бегает. Когда кто-нибудь проходил мимо, бабушка Сонкова вставала, кланялась и желала каждому доброго здоровья. К причудам бабушки Сонковой и к ее почтительным поклонам улица привыкла, как привыкают к колодцу, заборам, сугробам в январе и зеленой травке под окнами в июне. Привыкли все и к необычному, на удивление морщинистому лицу старухи.

Лицо у нее было почти круглое, темно-коричневое, вечером казалось совсем черным и все, от шеи до низенького лба, в морщинах. Морщины были нарезаны и вдоль и поперек— на лбу в одну сторону, на щеках в другую. Не было на лице ни одного гладкого места: за ушами морщины и под носом морщины, нос тоже был морщинистым. Лицо обманывало людей: бабушке Сонковой давали лет сто. Она обижалась: ей не исполнилось еще и семидесяти. Обильные морщины она объясняла по-своему: «Это горе мое высыпало. Сколько морщин, столько и горя приняла. Кабы на сердце горюшко легло, не вернуться бы мне живой с магнитной руды». Горя бабушка Сонкова действительно приняла много, но старики помнили, что из ссылки она вернулась без заметных изъянов на лице, морщиться щеки ее начали уже после войны. С тех пор двадцать лет прошло. Бабушка Сонкова сама, наверное, забыла, когда жила на свете молодой, пригожей и бедовой бабенкой — Маришкой Сонковой.

О старой жизни в деревне, о девичестве, замужестве и первых несчастьях напоминал ей только Симеон Лобов.

На Второй Пригородной Симеон Лобов жил как раз напротив бабушки Сонковой, через дорогу. Раньше, в деревне, они тоже были соседями. Симеошка не давал Маришке проходу: и грозил ей и сватался — все напрасно. Маришку Арефьеву отдали за Егора Сонкова. Потом пришла грозная пора раскулачивания, и Лобов, деревенский активист, раскулачил Сонковых: отец Егора держал в разгар нэпа лавчонку. Всех Сонковых вместе со снохой сослали на Урал, в Магнитогорск. Егор умер там, Маришка перед войной вернулась с сыновьями; от брата, погибшего на Халхин-Голе, достался ей дом, этот самый — на Второй Пригородной. Маришка сразу поинтересовалась, кто живет напротив в низенькой, неуделанной избушке с подслеповатыми оконцами, и ей ответили: «Да твой односельчанин Симеон Лобов». «Значит, така судьба»,— вздохнула Маришка.

Но все это было так давно, что Маришка, ставшая бабушкой Сонковой, уже многого не помнит из той довоенной и трудной военной жизни. И если бы не Симеон Лобов, она забыла бы, наверное, и свою деревеньку, и хмурый Урал, и город Магнитогорск, где схоронен ее тоже полузабытый муж...

Симеон, когда от него ушла жена (он пил), предложил Маришке «совместную жизнь, простить, все забыть и навсегда этот вопрос прикончить». Маришка в ответ закричала: «Да будь ты проклят, железна ты руда!» Симеон не остался в долгу; они ругались рьяно, злобно, исступленно, как молились. Но и это все было давно забыто и не имело теперь значения.

Симеон вставал тоже рано. Почти всегда он был пьян. Зимой он ходил в ветхом тулупе до пят (бабушка Сонкова узнавала тулуп своего свекра), летом в одних трусах и майке. Лысый и долговязый, с костлявыми, синими, не принимавшими загара ногами, он часто останавливался посредине улицы и о чем-то думал. Бабушка Сонкова разговаривала с воробьями, а он, склонив маленькую головку на горбатое плечо, смотрел в землю, словно в воду или в зеркало. Насмотревшись вволю, он садился рядом с бабушкой Сонковой и хрипло спрашивал без всякого интереса:

— Ну что, старая, в могилу скоро?

— Да погожу, не к спеху,— всегда отвечала бабушка Сонкова.

— Она придет, тебя не спросит.

— Как бог даст.

— А я тебя переживу.

— Не переживешь, домовой.

— Переживу, печена карга!

— Не переживешь, магнитна ты руда!

Настроенная добродушно, бабушка Сонкова звала Симеона домовым, когда злилась — магнитной рудой.

— Скапутимся, нас рядом на погосте положат,— говорил Симеон.

— Не рядом, врешь ты! Я, мученица, в рай попаду, ты — в ад.

— Ни рая, ни ада нет.

— Врешь. А что же есть?

— Ничего,— равнодушно говорил Симеон,— одна пустая чернота. Жил человек — и нет его. Скапутился.

Иногда утром Симеон подходил к колодцу, похожему на игрушечный домишко с одним окном, плевал на ладони и брался за ручку ворота.

— Давай помогу.

— От тебя помощи, как от козла молока,— говорила бабушка Сонкова.

Но помощь Симеона принимала. Он доставал воду, она таскала ведра во двор. В неделю раз Симеон просил у нее водки. Она выносила стопку. Со словами: «Все одно скапутимся — пей не жалей!»— он выпивал, обычно не закусывая. И, может, в знак благодарности, повторял все одно и то же, что положат их рядом. Бабушка Сонкова отмахивалась, как от надоедливой мухи. Шел день за днем.

Когда приезжала к бабушке Сонковой внучка, сразу все менялось. Таня гостила после восьмого класса, после девятого, приехала и после окончания десятого. С каждым годом она становилась все выше ростом, все меньше и меньше было в ней от девочки-подростка. Бабушке Сонковой казалось, что она узнавала в Тане себя, молодую, незамужнюю полногрудую девку. У Тани были румяные щеки, синие глаза и широкие бедра — вся пошла, по мнению бабушки Сонковой, в Арефьевых. Рядом с Таней бабушка Сонкова преображалась: у нее чаще разгибалась спина и светились глаза. И тогда уж она не разговаривала с воробьями и не поучала свою кошку: весь день ее мысли занимала одна Таня. Симеона в это время она тоже не замечала.

В первый приезд Тани Симеон ей похвастался:

— Это я вашу бабушку-то раскулачивал!

— Ну и что?— пожала она плечами.— Я сама на вашем месте, если бы требовалось, раскулачила.

С тех пор Симеон почему-то стал относиться к Тане с опаской. Он не сквернословил при ней и не заговаривал с бабушкой Сонковой о погосте.

Таня носила косы, но после окончания десятого класса она отрезала их и приехала к бабушке с новой прической, «как в кино». Никто не узнавал ее на Второй Пригородной — так она повзрослела. Ресницы у нее были покрашенные, ногти на пальцах отлакированные. И все у нее было другое, новое — от чемодана и до лифчиков. Тане пошел восемнадцатый год.

Почти одновременно с Таней к Симеону Лобову приехал его внук, студент. Таня пошла за водой, он увидел ее, выскочил и помог вытащить два ведра воды. Они познакомились.

Внук приехал к Симеону первый раз. Бабушка Сонкова даже и не знала, что у Симеона есть детная дочь. Никто ему не писал писем, не присылал никаких вестей, почтальон ни разу не останавливался возле его полуразвалившейся избенки. Не приносили Симеону и пенсию. Никто не знал, на какие средства он живет. Может, «пензию», как говорила бабушка Сонкова, ему на книжку переводили... Впрочем, бабушка Сонкова не интересовалась этим. Но у Симеонова внука попыталась выведать, как зовут мамашу, замужем ли, где живет... Внук все рассказал: была замужем, муж погиб на фронте, живут в Геленджике («Зеленжике»,— перевела бабушка Сонкова), на берегу Черного моря. Он еще добавил, что мать деда не любит, но по каким причинам, сказать трудно...

— А за что его любить-то, домового?— отозвалась бабушка Сонкова.— Он людей-то любил? Вот ему и наказание от господа бога!

Внук Симеона пригласил Таню на танцы, потом еще раз, еще и еще. Они стали возвращаться поздно: в час, а то и в два. Бабушка Сонкова заволновалась. Она не признавала хороших свойств у теперешних парней и думала, что все они разбойники. Но Симеонов внук, видно, отличался от остальных, он был вежлив, разговорчив, любил сидеть с бабушкой Сонковой на лавочке и рассказывать о

южных странах, где снега почти не бывает. Чуть ли не целый день он проводил возле дома бабушки: носил воду, колол для зимы дрова, играл с Таней в мяч. Симеон стал обижаться.

Один раз, когда бабушка Сонкова, Таня и Симеонов внук сидели на лавочке, Симеон вышел на улицу в одних трусах и закричал:

— Колька, иди сюда, я их раскулачивал, а ты с ними якшаешься!

— Мне это давно известно, Симеон Иваныч,— вежливо ответил внук.

— Иди, говорят, домой, с раскулаченными тебе не место!— не унимался Симеон.

Бабушка Сонкова рассердилась, вскочила.

— Магнитна ты руда! За что же ты меня раскулачил, окаянна твоя душа? За то, что замуж за тебя не пошла? Какие мы были кулаки?

— У вас лавка была!

— Не было при мне лавки, магнитна руда!

— Все равно вы кулаки, мироеды, круглый год мясо жрали.

Симеон стал плеваться через дорогу. Бабушка Сонкова отвечала ему тем же. Симеонов внук взял Таню под руку и увел ее в город. Оставшись вдвоем, Симеон и бабушка Сонкова разошлись вовсю, припомнили друг дружке все обиды и огорчения. Бабушка Сонкова то подбегала к Симеону и совала ему под нос тощий кулачок, то с визгом отскакивала. Не меняя позиции, Симеон ругался черно и густо. Никогда еще старик со старухой не скандалили с такой ненавистью. Никто из них не хотел уступать. Наконец соседям надоело слушать брань, они вышли и уняли сначала Симеона, а потом и бабушку Сонкову. Но она еще долго шумела у себя во дворе.

рогу

РАССКАЗ

Вечером бабушка Сонкова не ложилась: ждала внучку. Теперь она была уверена, что и Симеонов внук тоже разбойник. Яблочко от яблоньки недалеко катится.

Но Таня, как обычно, загулялась. Давно взошла луна, давно стояла тишина над Второй Пригородной, спал Симеон, спали собаки. Спать бы и бабушке Сонковой, да не спалось. Она вышла на крылечко. В хлеву вроде зашевелилась коза. Бабушке Сонковой захотелось поговорить с козой: что она шевелится, и чего ей не спится?.. У козы, чай, тоже свои дела, свои несчастья: боднет какая-нибудь бесстыжая подруга в стаде, ни за что хлестнет пастух —обидно. Пастухи-то больно ненадежные пошли, зеленые, несерьезные. Чего уж хорошего, если пастухов знающих не стало!

Бабушка Сонкова повернула за угол и остолбенела: на свежем сенце во дворе кто-то лежал. Сначала ей показалось, что лежит один, но, вглядевшись, поняла, что двое. Луна светила хорошо, и бабушка Сонкова узнала Симеонова внука. Бабушка отскочила и, отбежав к крылечку, перекрестилась. Уговаривать Таню теперь было поздно. «Ах ты, железна руда!»— опомнившись, хотела закричать бабушка Сонкова. Но голос не послушался ее.

От луны было белым-бело, бабушка Сонкова растерянно подошла к калитке, выглянула на улицу. Пустая белая улица ее напугала, она подумала, что это ее сатана смущает, ушла в избу и стала дожидаться Таню. Только напрасно она ждала: Таня не пришла до самой зари.

Утром Таня как ни в чем не бывало села к зеркалу, принялась оглаживать щечки, растирать шею. Бабушка Сонкова хотела ее поругать — и не посмела. «За грехи мои»,— без сожаления подумала она.

Через дорогу слышно было, как разговаривает со своим дедом Симеонов внук:

— Кулацкая внучка, кулацкая внучка! Да я и слушать этого, Симеон Иваныч, не хочу! Мне Таня нравится.

Голос Симеонова внука напомнил бабушке Сонковой вчерашнюю ссору, и ей опять стало горько и обидно. На миг в душе бабушки Сонковой восстал протест.

— Ты бы поосторожнее, Таня, с этим, Симеоновым парнем,— сказала она.

— Ах, бабушка!— воскликнула Таня.

Бабушка Сонкова не знала, что ей ответить. Жизнь, что ли, теперь менялась?..

Вечером Таня опять ушла с внуком Симеона. Симеон дней пять не здоровался с бабушкой Сонковой. В одних трусах и майке с полосой посредине он то бродил по улице, то подолгу стоял на одном месте, склонив маленькую голову на горбатое плечо. Бабушка Сонкова делала вид, что не замечает его. Но она уже чувствовала, что ей скучно без Симеона, без привычного, как ежедневное наступление вечера, разговора с ним, и она искала повод, как бы затронуть своего недруга. И Симеону тоже было скучно, он тоже тосковал целыми днями, и наконец он не выдержал, сдался первым.

Симеон все время думал, что обидел старуху сверх меры — и так у нее жизнь поломана. Надо было бы попросить у нее прощения. Но у него ничего не вышло, потому что он не привык просить прощения и не знал, какие слова для этого годятся. Подойдя к бабушке Сонковой, он сел рядом с ней и начал, как всегда:

— Ну что, старая, в могилу скоро?

— Да погожу, не к спеху,—обрадовалась бабушка Сонкова.

— Она с косой придет, тебя не спросит.

— Как бог даст.

— А я тебя все равно переживу.

— Не переживешь, домовой.

— Переживу, печена карга.

— Не переживешь, магнитна ты руда!

— Скапутимся, нас рядом на погосте положат.

— Не рядом, врешь!— радовалась бабушка Сонкова.— Я, горемычная, в рай попаду, ты —в ад.

— Ни рая, ни ада нет.

— Врешь. А что есть?

— Ничего, одна пустая чернота. Жил человек — и нет его, скапутился,— грустно заключил Симеон.

Все было сказано — и обидное и ласковое. Они замолчали. Каждый из них думал, как хорошо, что они помирились, а еще лучше было бы, если бы они никогда больше не ссорились, сидели бы вот так на лавочке, лениво перебрасывались словами, любовались последними своими розовыми летними закатами...

Мимо бабушки Сонковой и Симеона прошли на танцы Симеонов внук и Таня.

— Враги!— весело сказала Таня.— Давно ли друг от друга их жажда крови отвела!

Симеонов внук сказал ей что-то строгое. Она замолчала.

Ни бабушка Сонкова, ни Симеон не поняли Таниных слов и не обратили на них внимания. Симеон спросил:

— Ты говорила со своей-то?

— Нет. А ты со своим?

Симеон покачал головой.

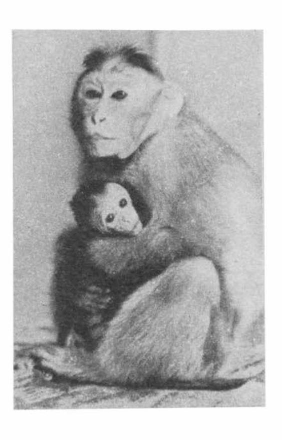
— Ну что, старая, в могилу скоро?— после молчания спросил он.

Больше у него ничего не получалось.

Начинало смеркаться, зажглись первые звезды. А бабушка Сонкова и Симеон все не расходились. Вволю наговорившись об одном и том же, они сидели молча. И никому и в голову не могло прийти, что этот лысый старик в трусах и майке когда-то выселял ее из деревни. Да и сами они, Симеон и бабушка Сонкова, сейчас удивлялись, как могло это случиться. Ну что же, жизнь действительно изменилась...

ЕЕ НАЗВАЛИ ЭСТОЙ

Случилось это в таллинской гостинице «Нарва». В одном из ее номеров поселился необычный жилец — четвероногая уроженка индонезийских джунглей обезьяна Нонна. Прибыла она сюда вместе с гастролировавшей по Эстонии бригадой Псковского концертного объединения.

Вначале Нонна доставляла довольно много хлопот своими постоянными ссорами с другими четвероногими акробатами. Но вот у нее родился ребенок. И теперь Нонну не узнать: она стала воплощением нежности и смирения. По целым дням не выпускает она из лап свою малютку, которую назвали Эстой в честь того, что она родилась в Эстонии.

С. Давыдов

Таллин.

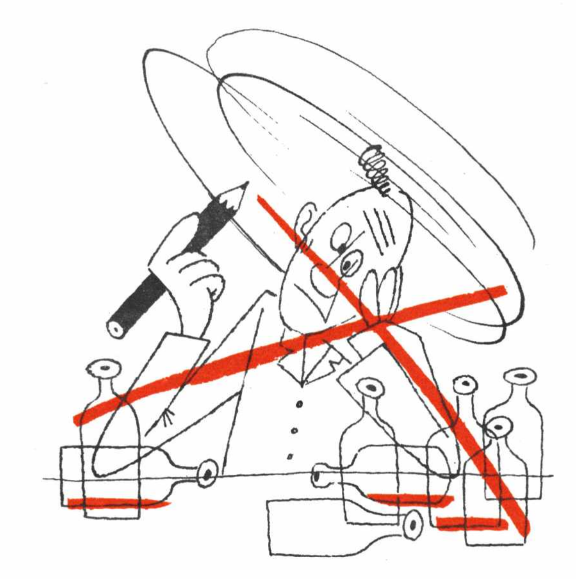
Как я становился трезвенником

Шутка

Когда я стал трезвенником, я сразу же уничтожил весь свой запас водки. Открыл первую бутылку и вылил ее содержимое в раковину, за исключением одного стаканчика, который выпил. Вынул пробку из второй бутылки и вылил водку в раковину, за исключением одного стаканчика, который выпил. Вынул пробку из третьей бутылки и вылил в раковину все, кроме одного стаканчика, который выпил. Вынул пробку из четвертой раковины и вылил бутылку в стаканчик, который выпил. Вынул бутылку из пробки, выпил раковину, а остатки вылил в стаканчик. Вынул раковину из следующего стаканчика и вылил пробки в бутылку. Затем заткнул раковину стаканчиком, набрал водки в бутылку и выпил пробки.

После опорожнения всей посуды, придерживая руками качающийся дом, пересчитал пробки, бутылки, раковины и стаканчики. Всего оказалось 29, не считая одной бутылки, которую кто-то выпил.

С польского перевел Дм. Шашурин.

Михаил ЖАРОВ,
народный артист СССР

Снежная баба, цилиндр и прыжок в бездну

Когда позвонили из редакции с просьбой вспомнить самый смешной случай из моей жизни, мне это предложение показалось если не оригинальным, то, во всяком случае, интересным. И я начал вспоминать. Что же смешного было у меня? Вот, например, случай...

Мне было лет пять, а может быть, шесть.

Я вышел гулять во двор.

Выпало много снегу, ребята шумно и весело играли в снежки, а я стоял, как кукла, с растопыренными руками — на мне была новая романовская шубка — и глазел на ребят. Самый веселый и любимый мой товарищ Лешка Косоротик — когда он смеялся, у него косил рот — вдруг подбежал ко мне и громко, как будто нашел недокуренную папироску, «чинарик», весело заорал:

— Ребята, идея! Давайте из Миши делать снежную бабу!

И ребята так же радостно, словно Лешка дал им затянуться найденным «чинариком», заорали:

— Давайте!

Лешка взял меня под мышки и торжественно посадил в сугроб, а потом все дружно и весело стали лепить из меня бабу, обкладывая кругом снегом. Снег залез уже мне за воротник и холодными струйками тек по спине, набился в валенки, рукавицы, но я боялся развалить бабу и не шевелился. Потом ребята стали все прыгать и петь:

Миша Жаров — карапуз,
Мы тебе наклеим ус!

А я стоял гордый и счастливый, что ребятам очень весело оттого, что они из меня сделали снежную бабу да еще хотят наклеить ус.

Лешка изловчился и надел мне на голову большой ком снега, но ком почему-то все время сползал. Тогда кто-то крикнул:

— Надо надеть на него ведро!

Все очень обрадовались и закричали «ура». Но ведра надеть не успели, вышла соседка и все испортила. Она всплеснула руками и закричала:

— Батюшки мои, да что же вы делаете? Разбойники!

Ребята разбежались. Им было очень весело. А мне нет, потому что на память о снежной бабе у меня получилось воспаление легких. Но это, кажется, не самое смешное, что со мною случилось. Было и посмешнее.

Однажды, гуляя по двору один, я вдруг очень соскучился по маме и пошел к ней на работу в мастерскую.

Я знал, что мне надо было идти из ворот «вон туда», а потом повернуть на бульвар, и опять «вон туда», а потом... а потом я увидел, что у большой парадной двери лежали два золотых льва, я сел на спину одного из них верхом и стал играть в цирк. Лев был смирный, я лег к нему на спину и уснул.

Меня разбудили какие-то люди, которые показывали на меня городовому и говорили:

— Этот мальчик, наверное, заблудился.

Городовой спросил:

— Сколько тебе лет?

— Четыре-пять!

— А где твоя мать?

— Там!

— А как ты сюда пришел?

— Ногами!

— А где живешь?

— Там... Только я хочу есть,— сказал и заплакал.

Все замолчали. Они большие, а не знали, что я хочу баранку.

Тогда один господин в очень высокой шляпе сказал:

— Это Миша! Я его знаю. Пойдем!

Но все закричали:

— Не отдавайте, а спросите у Миши, знает ли он его.

— Миша, ты знаешь дядю?— спросил городовой.

Я сказал:

— Да, я знаю дядю!— Дал ему руку, и мы пошли.

Дома мама — она была почему-то вся в слезах — схватила меня и долго целовала и шлепала.

Господин в шляпе немного задержался у нас. Мама мне сказала, что это был очень важный человек: владелец домов и книжного склада. А так как мой отец был печатник, они сели и стали говорить про книжки. Его большая шляпа, похожая на голенище сапога, стояла на сундуке в кухне.

Я взял сапожную щетку и почистил ваксой шляпу господина. Мне очень хотелось сделать ему приятное.

Господин увидал, ахнул и сказал:

— Что же ты сделал с моим цилиндром?!

— Я его почистил ваксой, чтобы он блестел,— ответил я гордо.

Все ужасно хохотали и долго не могли успокоиться, а господин даже вытирал глаза платком и, шлепая меня по щеке, говорил:

— Ох, уморил, ей-богу, уморил, да он у вас комик.

Мне очень понравилось, что он сказал про меня не «ком», а «комик» — наверно, потому, что я был маленький. Я тоже стал хохотать. Но мама вечером, когда ложились спать, говорила, что я поставил ее в неловкое положение. А почему? Я не знаю. По-моему, было смешное положение.

Или вот разве не смешной случай произошел со мной, когда я был артистом в театре Вс. Мейерхольда? На том месте, где теперь высится зал Чайковского (на площади Маяковского), стояло старое театральное здание, в котором до революции помещалась оперетта Зона; вот в этом-то театре и начал Мейерхольд свои спектакли.

Здание уже требовало ремонта, но в то время этим мало занимались: были дела поважнее.

Однажды во время перерыва я поднялся зачем-то на четвертый этаж, но, услыхав настойчивые звонки помощника режиссера и решив, что это вызывают меня на репетицию, я быстро побежал назад, на 3-й этаж, где помещалась сцена.

Вот тут-то и произошло то самое, что долго веселило моих товарищей.

Когда, перескакивая через ступеньки, я с маху прыгнул на площадку, чтобы пробежать в коридор, под моей тяжестью лопнула огромная плита и со страшным шумом полетела вниз, ломая и пробивая плиты на площадках второго и первого этажей, пока весь этот груз не рухнул в подвал.

Я провалился вместе с плитой, но по инерции пролетел вперед, к порогу двери. Я успел уцепиться за порог и повис на локтях над зияющей подо мною трехэтажной пропастью.

На грохот и звон лопающихся плит — а лопались они звонко, как будто струны у старых арф,— сразу сбежались люди. Мои руки слабели, и, опускаясь все ниже и ниже, я смотрел на своих товарищей печальными глазами. Но никому и в голову не пришло вытянуть меня из бездны. Бледные и испуганные, мы смотрели друг на друга, пока не раздался голос Мейерхольда:

— Что же вы стоите? Тащите его!

Еще секунда, и я бы свалился. Оказывается, так бывает не только в кино, но и в жизни. Меня вытащили. Я встал как ни в чем не бывало и, странное дело, даже стал рассматривать пролом, потом отошел, оглянулся и посмотрел на место, где я висел,— и стал дико хохотать. Мне показалось, что смотреть на меня со стороны было действительно смешно. Ведь это же противоестественно: порог двери, а за порогом из пола торчит испуганная голова с вытаращенными глазами. По-моему, это очень смешно, и я хохотал, пока меня не уложили и не накрыли чем-то теплым. Я согрелся, перестал дрожать и уснул.

И все-таки я думаю, что самое смешное то, что у меня не было в жизни смешного случая.

Эх, елки-палки!..

В. НИКОЛАЕВ, В. ЧЕРНИКОВ

ИЗОФЕЛЬЕТОН

Дед Мороз образца 1964 года сдавал дела Деду Морозу образца 1965 года. Он вел своего младшего собрата по планете через двадцать четыре новогодних торжества, час за часом. Примерно в середине своего пути оба Деда Мороза попали на очередной новогодний праздник. Это было необычное торжество. Во-первых, елка. Вместо ствола — ракета стратегического назначения. Вместо веток — ракеты поменьше, среднего и ближнего боя. Вместо игрушек — ядерные боеголовки, а вместо елочной мишуры — кандалы и цепи.

Публика тоже была необычной. Одни только взрослые мужчины, большей частью пожилые. Два прытких толстяка все время бродили с приставной лесенкой вокруг елки, пытаясь отломить себе ракету или по крайней мере сорвать ядерную боеголовку. В стороне от всех расположился худой военный. Он сидел на корточках у своей собственной ракетной елочки. Время от времени военный хлопал в ладоши и кричал: «Пиф-паф!» Одним глазом он все время следил за двумя толстыми субъектами под главной елкой.

Вообще вся атмосфера была насыщена взаимной подозрительностью. На военного у елочки то и дело бросал встревоженные взгляды пожилой джентльмен. Он явился на бал в маскарадном костюме. На его фрак была наброшена львиная шкура, старая и порядком облезшая. Глаза хозяина львиной шкуры беспокойно бегали из стороны в сторону — от большой елки до крохотной елочки.

Вокруг главной елки уже затевалось что-то вроде хоровода, раздавались голоса, сливавшиеся в нестройный хор. Но все же хоровода не получилось. Одни начинали вести его по часовой стрелке, другие — против, третьи норовили выскочить из него, но не могли, потому что все с опаской держали друг друга за руки.

Несколько фигур на этом странном празднестве являли собой картину просто зловещую. Человек в тропическом шлеме и коренастый старец с интересом обсуждали новейшие способы убийств и пыток, разглядывая при этом образцы средств своего кровавого «производства». Под ногами вертелась и тявкала злая черная собачонка с запекшейся на морде кровью. В стороне от праздничной суеты с достоинством стояла особа в судейской мантии и бережно, словно мадонна младенца, держала на руках явного громилу и убийцу.

Неожиданно оркестр грянул туш, и в зал вошел еще один гость в сопровождении своей челяди.

— Заморская штучка. Самая большая шишка на этой елке,— пояснил старший Дед Мороз младшему.

Вошедший покровительственно улыбнулся собравшимся и пообещал им скорую раздачу подарков с елки. Львиная шкура при этих словах беспокойно заерзала, словно ее блохи одолели, а военный у елочки презрительно поджал губы.

— Какая странная елка! — удивленно воскликнул Дед Мороз 1965 года и вопросительно взглянул на Деда Мороза 1964 года.

— Ничего странного,— пояснил тот.— У них всегда так. На то и НАТО.

Дед Мороз-младший разразился в ответ единственным ругательством, которое успел освоить за свои первые часы на земле:

— Эх, елки-палки!..

ПРЕМИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» ЗА 1964 ГОД

М. Алпатов.

О. Берггольц.

В. Быков.

Н. Быков.

Л. Величанский.

О. Верейский.

Г. Гурков.

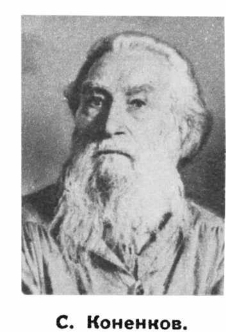

Г. Демыкина.

Н. Жуков.

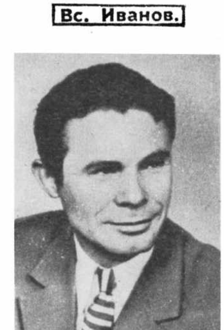

Вс. Иванов.

Е. Казаков.

В. Кожевников.

С. Коненков.

Г. Копосов.

В. Логинов.

А. Малышко.

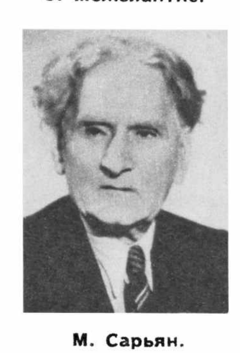

Э. Межелайтис.

С. Наровчатов.

В. Полторацкий.

А. Прокофьев.

Е. Рачев.

М. Сарьян.

М. Слуцкис.

Л. Шерстенников.

Редакционная коллегия журнала «Огонек» отметила денежными премиями лучшие произведения, напечатанные в журнале в течение 1964 года.

М. АЛПАТОВ — очерк «И вы обретете зоркость» (№ 43). О. БЕРГГОЛЬЦ — стихи «Международный проспект» (№ 5). В. БЫКОВ — повесть «Альпийская баллада» (№№ 12—16). Н. БЫКОВ — серия очерков о деревне «Земля велит» (№№ 16, 24, 30). Л. ВЕЛИЧАНСКИЙ — репортаж из США. О. ВЕРЕЙСКИЙ — рисунки из серии «Америка» (№ 36). Г. ГУРКОВ — очерк «Человек с «Кап-Арконы» (№ 2). Г. ДЕМЫКИНА — повесть «Чуча» (№№ 21—22). Н. ЖУКОВ — рисунки «Лето, солнце, дети» (№ 29). Вс. ИВАНОВ — воспоминания «Портреты моих друзей» (№№ 7, 10). Е. КАЗАКОВ — оформление ряда номеров. В. КОЖЕВНИКОВ — рассказы «Обыкновенный рейс» (№ 28) и «Бухта Полярная» (№ 40). С. КОНЕНКОВ — очерк «На десятом десятке» (№ 45). Г. КОПОСОВ — фотоочерк «Арктика каждого дня» (№ 13). В. ЛОГИНОВ — рассказ «Цвет топленого молока» (№ 2). А. МАЛЫШКО — стихи «Бунтарь» (№ 11). Э. МЕЖЕЛАЙТИС — стихи «Поэт и человек» (№ 38). С. НАРОВЧАТОВ — «Песня про атамана Семена Дежнева, славный город Великий Устюг и Русь заморскую» (№ 15). В. ПОЛТОРАЦКИЙ — очерки «Синеборье» (№ 40) и «Болдинская осень» (№ 46). А. ПРОКОФЬЕВ — стихи «Чудесная тревога» (№ 35). Е. РАЧЕВ — рисунки к повести Г. Демыкиной «Чуча» (№№ 21—22). М. САРЬЯН — отрывки из дневника «Будь счастлив, человек, все в тебе!» (№ 22). М. СЛУЦКИС — рассказ «Цена ботинок» (№ 32). Л. ШЕРСТЕННИКОВ — фотоочерки «Честь Севастополя» (№ 20) и «Октябрьский проспект» (№ 46).

ИНТЕРВЬЮ С ДЕДОМ МОРОЗОМ

НЕ

— Итак, я к вашим услугам,— обратился Дед Мороз ко мне.— Но сначала ответьте: почему оба поселка под названием «Мирный» люди построили в двух самых холодных районах земного шара — в Антарктиде и в Якутии? Не знаете? Не хотят со мной ссориться, вот что я вам скажу... Да, плохо вам, людям, придется без низких температур.

Вы, люди, и появились-то, можно сказать, благодаря мне. Во время великого оледенения вам просто пришлось стать людьми, чтобы выжить. Холод, знаете ли, не тетка... Вы никогда не задумывались, почему искусственно получать тепло люди научились десятки тысяч лет назад, а холод — только в девятнадцатом веке? Да потому, что добыть тепло очень просто: огонь-то можно получить и трением. А холод? Здесь вам пришлось изобретать довольно-таки сложные машины. Вы даже создали целую отрасль техники — криогенную.

Я не мог не согласиться с этим. Холодильники, рефрижераторы, искусственные катки, длительное хранение свежих продуктов методом высушивания в вакууме при низкой температуре, сверхпроводимость, лазеры подтверждали мысль Деда Мороза: куда ни глянешь, повсюду нуж-

ХОЛОД ТЕТКА

ны низкие и сверхнизкие температуры...

— А гипотермия, — продолжал Мороз,— охлаждение тела во время операции, когда все процессы в организме замедляются, и это помогает хирургу успешно провести операцию?..

— А криотроны? — воскликнул я.— Крохотные приборы, тысяча которых может поместиться в наперстке? Если их искупать в жидком гелии, каждый заменит электронную лампу. Электронная вычислительная машина на криотронах во много раз меньше обычной и потребляет ничтожное количество энергии.

— А абсолютный нуль, эти минус 273,16° С! В этом отношении вы, люди, обогнали не только меня, но и моего коллегу на Меркурии: ему удалось достичь на теневой стороне мороза минус 250°С, то есть на 23° выше абсолютного нуля. А ваши ученые получили температуру куда более низкую: им осталось всего несколько миллионных долей градуса до абсолютного нуля!

Слышал я, что в вашем Институте физических проблем в каждой лаборатории есть кран, из которого можно налить жидкий гелий, словно воду. Вот ведь до чего дошло...— задумчиво сказал Мороз.

Мы разговорились с Морозом о холоде и его удивительных применениях.

— В Германской Демократической Республике,— сказал Мороз,— изобретен аккумулятор холода. Вы что-нибудь слышали об этом?

— Нет,— признался я.

— Это герметически закрытый пакет, наполненный специальной массой. Если подержать такой пакет в холодильнике, то он потом постепенно отдает холод в течение двенадцати часов. Каково?

— Неплохо бы брать такой пакет в дорогу.

— А вы сами, Мороз, когда появились на Земле?

— Тогда же, когда появилась и сама Земля. Разумеется, у меня были творческие взлеты и спады. В ледниковую эпоху, например, мне удалось покрыть льдом почти всю Землю. Но и сейчас Антарктида — предмет моей особой гордости. Многокилометровые толщи льда над целым материком — разве это не достижение!

— Потепление Арктики связано с творческим спадом?

— Не совсем. Вначале так и было. Сейчас я вновь на подъеме, просто с появлением атомных ледоколов экономически невыгодно тратить чересчур много сил. Все равно льды взламываются.

— Скажите, как организована ваша работа?

— У меня две резиденции: одна в Антарктиде, на полюсе холода с минимальной температурой — 85,7°С, другая здесь, вблизи Оймякона, с минимальной температурой — 60°С. В Антарктиде я провожу свой отпуск, работы там немного: хотя она в декабре, например, получает больше солнечной энергии, чем любая точка на Земле, но ледниковый щит отражает лучи, словно зеркало. В сентябре перебираюсь на Север.

— Что вы собираетесь делать, когда люди овладеют термоядерной энергией и изменят климат на Земле?

— Уйду на пенсию и буду жить в Антарктиде. Там-то я спокоен, ведь растопить ее лед — значит утопить всю Землю.

— Еще один вопрос... Надеюсь, вы не сочтете его бестактным. Речь идет о Снегурочке...

Из глаз Мороза выкатились две скупые мужские слезы. Они тут же превратились в льдинки.

— Она была слишком привязана к вам, людям. До сих пор не могу ее забыть!..

М. КОНСТАНТИНОВСКИЙ

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

На первой странице обложки: Здравствуй, снег!

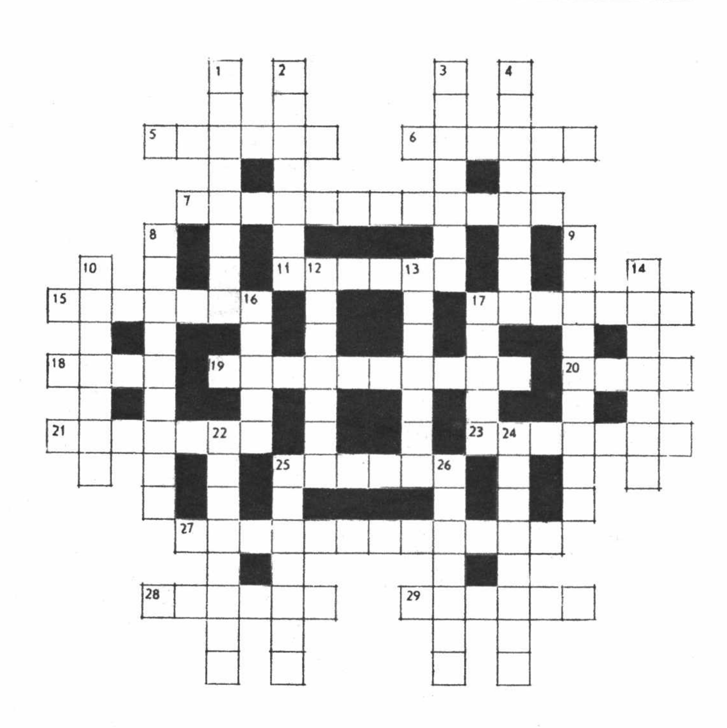
Фото Г. Макарова.

На первой странице журнала: Поет Вероника Круглова.
На последней странице обложки: Русская метелица.

Фото А. Бочинина и Ю. Кривоносова.

По горизонтали:

5. Автор оперной трилогии «Орестея». 6. Женская кофточка. 7. Русский революционный публицист, писатель. 11. Палка для игры в хоккей. 15. Тонкая ткань. 17. Русский архитектор XVIII века. 18. Персонаж комедии А. П. Чехова «Вишневый сад». 19. Опера Н. А. Римского-Корсакова. 20. Газ. 21. Стихотворный размер. 23. Чертежная принадлежность. 25. Река в Сибири. 27. Справочное издание. 28. Духовой инструмент. 29. Оборот речи, не переводимый дословно.

По вертикали:

1. Разноцветные бумажные кружочки. 2. Лесной кустарник, лещина. 3. Повесть Н. В. Гоголя. 4. Кавказский танец. 8. Тонкий глянцевитый картон. 9. Прибор для определения скорости ветра. 10. Одна из возможных комбинаций в шахматной игре. 12. Порода кур. 13. Склон горы, холма. 14. Оперетта Н. М. Стрельникова. 16. Сорт яблок. 17. Стеклянный сосуд. 22. Охотничья собака. 24. Приток Миссисипи. 25. Небольшое сольное произведение. 26. Порт на берегу Северного моря.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 52

По горизонтали:

5. «Воскресение». 8. Коринка. 9. Атласов. 12. Статика. 13. Литавры. 14. Гарда. 17. Костюмер. 18. Танзания. 19. Крокодил. 21. Карусель. 26. Рубин. 28. «Фиделио». 29. Бисквит. 30. Поленов. 31. Воробей. 32. Амбулатория.

По вертикали:

1. Косилка. 2. Арканзас. 3. Эстакада. 4. Витамин. 6. «Портрет». 7. Лопатка. 10. Стенография. 11. Предисловие. 15. Сепия. 16. Канат. 20. Козерог. 22. Синклер. 23. «Журавель». 24. Киловатт. 25. Кинешма. 27. Синоним.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются. Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00821 Подписано к печати 23/XII 1964 г.
Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 934 000. Изд. № 2. Заказ № 3514.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Ярославские девчата
и в шубах лихо спляшут.

«Голубой огонек» в «Огоньке»

А. БОЧИНИН,
Ю. КРИВОНОСОВ

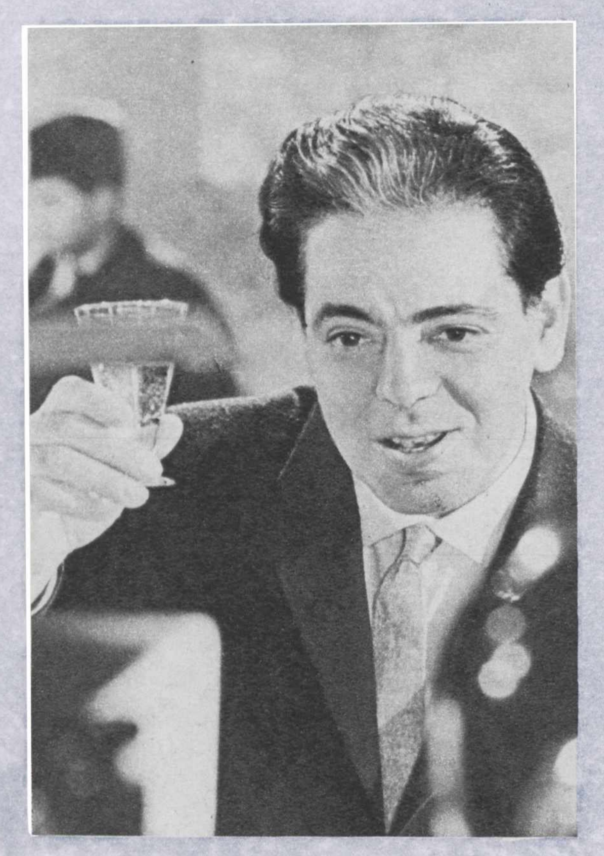
Поет Муслим Магомаев.

На Новый год подписчики нашего журнала получают праздничный номер «Огонька»— эта традиция старая, а к телезрителям в дом приходит в этот вечер «Большой голубой огонек»— эта традиция сравнительно молодая.

Сегодня мы решили объединить обе традиции и пригласить вас через наш «Огонек» на «Огонек голубой». Мы посмотрели его раньше вас, потому что этот «Голубой огонек» начал рождаться задолго до Нового года на киностудии «Мосфильм». И в тот час, когда вы садитесь за праздничный стол, он уже спокойно лежит в круглых коробках в аппаратной студии телевидения. А его гости — артисты, которых вы видите на экране, выступают сегодня в театрах, концертах, а потом проводят праздник в кругу родных и друзей и, возможно, тоже смотрят телевизор.

Русская «Метелица». Солисты Большого театра Николай Кондратюк и Георгий Андрющенко.

С Новым годом вас поздравляет Аркадий Райкин.

Бен Бенцианов исполняет веселые куплеты.

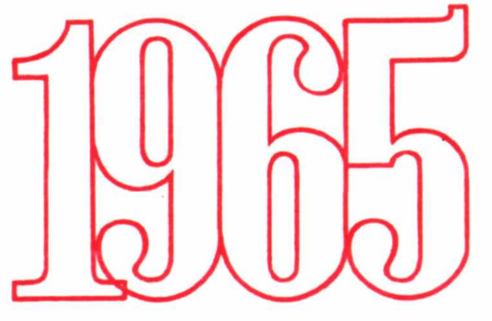
У Олега Попова деловое предложение.

Сегодня ведут программу киноактрисы — Виктория Духина, Зинаида Кириенко, Нина Крачковская.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663

Дни недели	ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ	МАРТ	АПРЕЛЬ	МАЙ	ИЮН
Понедельник	4 11 18 25	1 8 15 22	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14
Вторник	5 12 19 26	2 9 16 23	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15
Среда	6 13 20 27	3 10 17 24	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16
Четверг	7 14 21 28	4 11 18 25	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17
Пятница	1 8 15 22 29	5 12 19 26	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18
Суббота	2 9 16 23 30	6 13 20 27	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 [illegible]
Воскресенье	3 10 17 24 31	7 14 21 28	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20

1 ЯНВАРЯ — Новогодний праздник, 1—2 МАЯ — День международной солидарности трудящихся. 7–

	ИЮЛЬ	АВГУСТ	СЕНТЯБРЬ	ОКТЯБРЬ	НОЯБРЬ	ДЕКАБРЬ	Дни недели
28	5 12 19 26	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	Понедельник
29	6 13 20 27	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	Вторник
30	7 14 21 28	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	Среда
	1 8 15 22 29	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	Четверг
	2 9 16 23 30	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	Пятница
	3 10 17 24 31	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	Суббота
	4 11 18 25	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	Воскресенье

НОЯБРЯ — 48 лет Великой Октябрьской социалистической революции, 5 ДЕКАБРЯ — День Конституции СССР.

